

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 1 (88) 2013
январь — февраль

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

**Тема номера:
КАКИЕ ОНИ,
СТРАСТИ СЕГО ДНЯ?**

- **путь к Победе указала Звезда**
- **дом, где примиряют с неизбежным**
- **мастер света из просфорни**

СОДЕРЖАНИЕ

<u>РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО</u>	3	<u>СТРАНА СЛОВ</u>	
<u>КАКИЕ ОНИ, СТРАСТИ СЕГО ДНЯ?</u> 		<i>Дмитрий Шеваров</i>	
<i>Протоиерей Андрей Ткачев – Павел Демидов</i>		Вифлеемская звезда	
Соблазн лежит перед порогом любого дома	4	над Сталинградом	21
<i>Протоиерей Валентин Свенцицкий</i>		<i>Виктор Некрасов</i>	
На пути к спасению искушения неизбежны	6	Мамаев курган на бульваре Сен-Жермен	23
<i>Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста</i>	8	<u>СТРАНА КРАСОК</u>	
<i>Валентин Курбатов</i>		<i>Наталья Лайдинен – Иван Жук</i>	
Человек и «странный гражданин»: кто кого одолеет?	10	Пора осознавать себя народом!	25
<u>ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ</u>		<u>МИР ВОКРУГ НАС</u>	
<i>Вадим Рутковский</i>		<i>Марина Монахова</i>	
Святой из липецкой деревни	11	«Все события – Божьи слова к нам»	
<u>ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ</u>		Из истории душеполезной переписки	
<i>Мария Абашкина</i>		Н.В. Гоголя	29
Моя маленькая жизнь в Польше	14	<i>Юлия Антипина</i>	
<u>ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ</u>		Дано мне тело. В тягость или в радость?	32
<i>Дмитрий Шеваров</i>		<i>Лариса Беляева</i>	
<i>Память света. Черно-белый негатив</i>	15	Один из таких шагов	35
<i>Нина Третьякова</i>		<i>Елена Литвяк</i>	
Мария	18	Анна, Макарий, Дмитрий	
		Непридуманные рассказы о любви	
		(окончание)	37

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине**

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: Кафедральный собор
Святой Живоначальной Троицы в
г. Анадырь. Самый большой в мире
деревянный храм

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 25.12.2012

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ООО «Типография Мосполиграф»
Москва, 4-й Лихачевский пер., д. 4

Контактный телефон:
8 (495) 974-3338

Тираж 1300 экз. Заказ № 2844
© Лампада, 2012

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

*И видел я: стемнели неба своды,
и облака прервали свой полет,
и времени остановился ход...
Все замерло. Реки умолкли воды.
Седой туман сошел на берега,
и, наклонив над влагою рога,
козлы не пили. Стадо на откосах
не двигалось. Пастух, поднявши посох,
оцепенел с простертою рукой,
взор устремляя ввысь, а над рекой,
над рощей пальм, вершины опустивших,
хоть воздух был бестрепетен и нем,*

*повисли птицы на крылах застывших.
Все замерло. Ждал чутко Вифлеем...
И вдруг в листве проснулся чудный ропот,
и стая птиц звенящая взвилась,
и прозвучал копыт веселый топот,
и водных струй послышался мне шепот,
и пастуха вдруг песня раздалась!
А вдалеке, развея сумрак серый,
как некий Крест, божественно-светла,
Звезда зажглась над вспыхнувшей пещерой,
где в этот миг Мария родила.*

1918

Владимир Набоков

Протоиерей Андрей Ткачев: «Соблазн лежит перед порогом любого дома» *Беседа о главной теме номера*

– Как, по-вашему: современный человек подвергается большим искушениям, чем это было с его предшественниками?

– Всякая непрочитанная книга для человека – новая. И все, что раньше не происходило, а теперь произошло, случается впервые. Поэтому впервые пережитые нами события мы склонны объявлять никогда не бывшими прежде. Это, я думаю, от недостатка опыта и знаний. Были эпохи, пожалуй, и посложнее, но мы о них не думаем. Думаем-то мы только о себе. Поэтому в части искушений и кажется нам, что все – впервые и все – невыносимо. А человека терзают те же страсти. Тот же Бог готов прийти на помощь. Тот же диавол раздувает пламя страстей в человеческой природе. Основные участники драмы не меняются. Но если драма закончится, если все же «не век веревочке виться», значит, когда-то наступит обрыв. Он наступит не только потому, что скорби превьсят лимит сопротивления, но и потому, что само сопротивление увянет, слиняет, испарится. Все расслабятся, все. Как в притче о десяти девах: «задремали все и уснули». Это, собственно, и будет конец – всеобщий сон от усталости. А нового ничего не будет.

– И все же возникает это ощущение – что такого, как с нами, еще не было. Отчего так? Может быть, это результат воздействия того, что мы называем техническим прогрессом, то есть оно рождается на материальной платформе? Или причина в том, что человек устремленно удаляется от Бога?

– У технического прогресса тоже есть духовные корни и обоснования. Он не просто «технический». Но сегодня нам легче, чем христианам в XIX веке, предположим. Сегодня мы летаем на «Боингах», но знаем, что мы – мухи, не более. А раньше, когда братья Райт или Цепелин поднимались в воздух на своих «раскоряках», то было столько восторгов и столько шума – мол, мы покоряем просторы и мы всемогущи, и так далее, – что верующим людям в те годы куда сложнее было! Нет, сегодня техника насколько возвеличила, настолько же

и унизила человека. Думаю, что отвести от Бога эта мишура более никого не способна. Кроме, конечно, тех нравственно недоразвитых людей, которых нельзя от Бога увести, поскольку они не приходили к Нему.

– Значит, технический прогресс все же вносит свою лепту в копилку соблазнов. А в Священном Писании говорится, что «нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9). Нет ли здесь противоречия?

– Некоторое противоречие есть. Но в целом картина едина. Человек отпадает от Бога только в добровольном акте. Человек не один. Он – живая часть живого человечества. Если все человечество заболевает бунтом против Бога, то отдельно взятому человеку не под силу бывает сопротивляться. Соперничая с Богом, человечество стремится совершать подвиги, требующие ума и смелости (мы, мол, не хуже Бога). Это и есть научные дерзания, охватившие в свое время христианский мир. Но ничего собственно нового они в жизнь не принесли. То же богоборчество, то же воскрешение истории о Вавилонской башне. А спасение совершается все так же: в покорности, в добром служении, в самопожертвовании, в силе ума, отказавшегося от спесивых выпадов против Ума Высочайшего.

– Можно ли разграничить искушения, пусть даже условно, на искушения плоти и искушения духа? Есть ли между ними взаимосвязь? Можно ли считать искушения духа первичными по отношению к плотским?

– Дух, конечно, всегда первенствует. Грех и зародился в области существования духов, не отягченных плотью. Там для греха родная среда. Диавол не смог бы соблазнить телят или ослят. У тех для этого нет ни свободы, ни развитой духовной стороны существа. Грех – это обман, ложная мысль, неправильный вектор движения. Потом сбившийся с дороги ум вовлекает в беззаконие покорную плоть. Иначе не бывает.

– Горе тому, через кого соблазны приходят в этот мир. Если не будет таких людей, получается, не придут и соблазны? То есть соблазны не самосущны, как и любое зло? Их нет вне человека?

– Соблазн лежит перед порогом любого дома. Бесовская ложь стучится в дверь ко всем, как лисичка к зайчику в известной сказке. А если человек откроет дверь на этот стук и впустил непрощенного гостя, то начинается беда. Но не просто беда. Тогда грех берет в плен человека и заставляет его исполнять свои хотения. Тогда падший человек рискует сделаться орудием в чужих руках и начать специфический «сетевой маркетинг», то есть рабский труд по распространению греховного опыта. Вот в этом смысле и говорится, что горе человеку тому. То есть «горе» возвещается тому, кто, в дерьме извозившись, не только мыться не пошел, но отправился других пачкать и доказывать, что так «модно и хорошо». Этим людям, действительно, горе!

– Поскольку «враг мира сего», как известно, дремлет, его нападки на людей тем яростнее и разнообразнее, чем тверже противостоят ему люди. Зачем, мол, искушать того, кто и так в его лапах? Если следовать этой логике, сегодняшний человек весьма укреплен духовно и благополучен нравственно, ибо непрерывно подвергается атакам из искушений. Но реальность эти укрепленность и благополучие опровергает. Что вы думаете об этом?

– Я думаю, что человек глубоко несчастен. Любой человек! На чем бы он ни ездил и где бы ни обедал; что бы ни носил и где бы ни отдыхал, он несчаст-

тен. Таково мое мнение. Но одни способны воспринять веру в Доброго Пастыря, а другие – нет (пока – нет). И те, кто верует в Распятого и Воскресшего, вызывают огонь на себя. А кто не верует, пребывают в некоторой летаргии и спят наяву. Им тошно, и скучно, и больно, и страшно, но... Что-то (вернее – кто-то) держит их в рабских привычках и создает иллюзию относительного комфорта. Притом эти люди очень боятся начать новую, свежую жизнь во имя Христа. Они трусят просто. Вот и вся разница. Смелых служителей Иисуса, вообще-то, до чрезвычайности мало. Но именно они счастливы полным счастьем. Остальные либо глупы, либо трусливы, либо откровенно нечестивы.

– Сегодня наша Церковь подвергается особенно яростным нападкам. Доля справедливости здесь есть, и это естественно. Но речь в данном случае не о справедливости или несправедливости нападков на Церковь. Не является ли эта ситуация искушением для православных людей, своего рода тестом на крепость стояния в вере? Как и для самих служителей Церкви? Как и вообще для общества в целом? Ведь Господь для чего-то это попускает.

– Самыми лучшими критиками Церкви должны быть мы сами. Это – наша Церковь. У кого за нее больше должна душа болеть? Но мы привыкли к «одобрямсу» и «как бы чего не вышло», вот и критикуют нас чужие. Критикуют пошло, зло и не по сути. Но это никого не должно колебать в вере. Наша вера зрячая, а не детская, и мы верим в Бога, а не в сказки! Кто поколебался, тот веры еще и не имел. Но критика здоровая и конструктивная – это наше дело, дело христиан. Безразличие и безынициативность – ведь вовсе не добродетели. И конкурс по засовыванию головы в песок – не христианский конкурс.

– У Святейшего Патриарха есть такие слова: «Эта свобода дана нам как некая передышка – мы должны быть готовы к тому, что в будущем может что-то измениться». Имеется в виду: в худшую сторону. Иными словами, нас могут ждать еще более суровые искушения. Как вы думаете – какие?

– Мы просто можем потерять паству. Ничего страшнее я не представляю. Тогда нас опять могут расстреливать, и далее по списку. Но начало всего – разрыв с паствой и молчание в ответ на злободневные вопросы.

– Что из сегодняшних искушений вы отнесли бы к числу наиболее опасных? Чем можно предотвратить или хотя бы ослабить их влияние?

– Есть проблемы, а есть их корни. Например, корнями наркомании являются три вещи: максимальная прибыль одних, жажда удовольствий других и полная бессмыслица нынешней жизни. Люди не знают, зачем им жить, вместе с тем им внушают, что смысл жизни – получение удовольствий, и все кругом уверены, что нужно зарабатывать как можно больше и как можно быстрее. Ну как вы искорените наркоманию при такой ситуации? Она ведь ложится, как пазл в свое гнездо. И так же все остальное – распад семей, порнография, уменьшение рождаемости, рост агрессии... У всего есть корни. Но самые глубокие корни – это молчащее, безынициативное и недуховное (простите за оксюморон) духовенство. Вот – корень всего в христианских странах. Так я думаю. Глупость, лень и жадность всюду отвратительны, но в священниках они отвратительны несравнимо больше.

– Как вы считаете: против того или иного искушения существуют и соответствующие орудия борьбы? Как, например, лекарство против того или иного заболевания. Или достаточно знать его природу – духовную или телесную, – и довлеет чего-то одного, неподобие «кремлевской таблетки»?

– На горячий котел мухи не садятся. Нужно духом пламенеть и Господу служить. Князь Владимир когда-то сказал: «Греха боюсь» и навредил нам невольно. Бояться надо не греха, а Бога. Божий страх созидает и чистит, а страх греха только пугает и подавляет. В Бога мало веровать. Ему надо служить. Всякий верующий человек должен обращаться к Господу словами Павла, сказанными в день явления на дороге в Дамаск: «Что повелишь мне делать?» – и служение Господу будет исцелять человека. А иначе, эгоистично заикленный на себе, он будет превращаться в мелочного религиозника. Сколь отвратного, столь и бесполезного. Служить!

– Происходила ли трансформация искушений в вашей жизни по мере того, как менялась сама ваша жизнь? Отмечали ли вы рост или падение «кривой искушений» в зависимости от линии вашей жизни? Какая это была зависимость: прямая или обратная?

– Да. Все меняется. Сила искушения измеряется не внешними признаками,

а внутренней болью. Иногда человеку руку отпилят, а он не поморщится. А если, скажем, домашний пес издохнет, человек вслед за ним от скорби зачахнет. Понимаете? Я не могу описывать свои бури внутренние, но эти бури в разное время очень разные, и часто меня подлинно мучает то, что никто вокруг вообще за источник искушения не считает. Недавно на «Православие.ру» я писал статью, где цитировал дневники Кафки. Там, в частности, сказано о человеке, чья усталость была равна усталости гладиатора после боя, а работой его было – всего лишь покрасить угол стены в присутственном месте. Вот и я об этом. И так – у всех. Просто не все замечают движения своей души. Прежде чем пожертвовать жизнью, нужно полюбить жизнь, а перед тем, как полюбить, – нужно принять жизнь. Это бывает нелегко. Нелегко просто принять жизнь, ибо она с некоторых пор – наказание.

– Преодоление каких искушений представляет лично для вас наибольшую трудность? Как вам удается противостоять им?

– Все тревожит меня. И похоть плоти, и похоть очей, и гордость житейская. Я не рыцарь-победитель, а заблудшее овца. Но скажу вам, что врагов у человека, как известно, три: мир, плоть и диавол. Плоть смиряется возрастом и недугами, если мы не хотим обуздывать ее. Миру кланяться я не люблю (кланяться, конечно, но не люблю). Его мне легче презирать, чем распинать плоть. Если даже со временем распну плоть как следует (я верю, что так будет) и отвернусь от мира совсем, тогда непременно встречу с диаволом. Он тогда останется последним. Вот к этой встрече лицом к лицу для последней битвы я еще не готов. Я в пути к этой схватке. Она тяжкая. Мы все в пути к этой схватке.

– Как вы думаете: у людей сходного психотипа и искушения сходные? Влияет ли общность судьбы на общность искушений?

– Да. Конечно, но это не снимает священного груза индивидуальности. Копий в мире нет. И плагиат в полной мере невозможен. Все может быть лишь подобием, но не клоном и не точной копией. Нужно прислушаться к своей личности, поискать голоса своей неповторимости. Один поэт (не православный) сказал:

*Будь сам собой, а то тебя
Посадят за другого.*

Я согласен с этими словами.

Беседовал Павел Демидов

На пути к спасению искушения неизбежны

Несколько лет тому назад во мне закончился переход от юношеского «гимназического» отрицания к положительной религии.

В отрочестве я отдал дань, как и большинство нашей интеллигенции, и теоретическому отрицанию, и увлечению Писаревым, Михайловским, а в более позднем возрасте увлечению Шопенгауэром и Ницше. Под словами «закончился переход» я вовсе не разумею прекращение всякого рода теоретических сомнений и хотя бы временное приближение к безусловной правде в сфере личной жизни. Нет. Но в смысле теоретическом для меня уже с несомненностью определилось, что в христианстве заключена полнота истины, а в смысле нового отношения к жизни для меня столь же определенно христианство встало уже как задача и смысл моего существования.

Я начинал с радостным восторгом, который пой- все верующие люди, ощу- в себе робкие проблески зарождающейся религиоз- ной жизни, меня начинала волновать таинственная сладостная надежда; хотелось всех полюбить, всем простить, ношу всю взять на свои плечи, хоте- лось подвига, новой «преображенной» жизни!

И вот в это время, сначала почти бессознательно, в виде какого-то тя- желого, грязного, мертвого осадка на душе, а потом уже с полной отчетливо- стью, я с ужасом заметил в себе како- го-то *двойника*.

Это был мой образ, плод моей фан- тазии, если хотите, вышедший неза- метно, но властно из каких-то тайников духа. Он был совершенно такой же, как я, по своему виду, по своей жизни и в то же время *диаметрально* мне проти- воположен.

Уничтожь искушения и помыслы – и не будет ни одного святого. Бегающий от искушения спасительного бежит от вечной жизни.

Прп. Зосима Палестинский

В.И. Суриков. *Искушение Христа*

Определившись, этот «образ» за- нял совершенно исключительное по- ложение в моей жизни; точно это было не мое воображение, а *живое*, вполне реальное, хотя и никому не видимое существо.

Он сопровождал каждый шаг моей жизни. Что бы я ни говорил, что бы я ни делал, он диаметрально противопо- ложно по существу, но с безусловной тождественностью по внешности по- вторял и мои слова, и мои действия. Даже в редкие минуты, когда я уже мог молиться, и он вставал на молитву в моем воображении и молился вместе со мной, как-то рядом в моем созна- нии, хотя и диаметрально мне проти- воположно.

Я совершенно не в си- лах был объяснить себе, почему, но для меня стало ясно, что я должен побе- дить в себе что-то, что- бы освободиться от этого кошмарного образа, что этот образ не так себе, не какое-нибудь нервное рас- стройство или простое случайное явление. Что это *враг мой*, что между нами идет борьба не на жизнь, а на смерть, что здесь таится возможность моей оконча- тельной духовной гибели.

Чем дальше шло время, тем он становился отчетли- вее и, делая то же, что и я, как-то *ближе* подходил ко мне.

Наконец, была такая одна минута, описать кото- рую я даже приблизитель- но не в силах, когда я и он встретились лицом к лицу, когда кто-то во мне должен был выбрать или *меня*, или *его*.

Теперь, когда уже все это стало прошлым, я во всей ясности сознал, что тогда решалось.

Если бы наше зрение было чисто, если бы могли видеть, что все виденное

нами «только отблеск, только тени от незримого очами», если бы мы могли прорвать тленную кору мира, через которую люди прорываются только це- нною смерти, – то мы увидали и поняли бы, что внешний прогресс, внешнее изменение мира обуславливается вну- тренними процессами, внутренними его изменениями. Мы увидали бы, что состояние Зла не одинаковое в эпоху великого переселения народов и в наше время. Зло «возрастает», оно питается, множится, подымает голову. Зверь еще не может встать на ноги и выйти из бездны, но уже явственно чувствуется дыхание его.

И если бы мы могли заглянуть в без- дну, если бы мы были *над* ней, то опять- таки очам нашим иное бы открылось в

эпоху первых веков христианства, иное в эпоху нашу.

...Я пришел к заключению, что мой двойник, мой кошмар, мучивший меня образ, был точное изображение того, что *в настоящее* время «подползает» к миру.

Я теперь осмыслил свое тогдашнее религиозное состояние и с полной ясностью вижу, что та погань в душе моей, которая впервые почувствовала *настоящую* опасность для себя в зарождавшейся во мне религиозной жизни, имела органическую связь с мировым Злом, с коллективным Антихристом, и потому я, восстав, хотя и очень робко, на эту погань и грязь, встретился лицом к лицу с тем, кто был ее носителем. Победив в себе этот образ, я, разумеется, не делался безгрешным, но я уже, *как христианин*, выбирал себе Господина. Я окончательно выбирал себе путь.

Да, я действительно думаю, что на пути ко Христу обязательна для всякого в том или ином виде встреча с Антихристом.

Характер этой встречи, время ее, вся психология борьбы – все это зависит от склада душевного, от обстановки, среды и тысячи других внутренних и внешних причин, но встреча все же будет, и борьба не на жизнь, а на смерть неизбежна.

Без боли, без страшного внутреннего разрыва с «прошлым», «ветхим», «мертвым» человеком не может родиться новый человек; без мучений Добро не отделяется от Зла. Зло слишком когтисто, чтобы с легкостью отдать свою добычу, оно слишком впилося в нее, чтобы можно было вырвать ее без крови.

При малейшей попытке жить *настоящему*, при первом, самом робком шаге ко Христу дорогу преграждают чьи-то страшные руки, и без бою, без пытки, не «пережив Антихриста», ко Христу не приблизиться никогда.

Но немногим людям приходится переживать и видеть образ *всего* Зверя, ибо каждый борется и видит перед собой только то, на что Антихрист имеет *право*, видит отражение только того, что в душе принадлежит Злу. Вот почему... я убежден, что в большей или меньшей степени, в том или ином отношении, но безобразного двойника моего, всякий, хоть краешком одним, но пережил.

1908

* * *

...Это основное положение я и теперь утверждал бы так же: нельзя узнать Христа, не пережив антихриста. В этом утверждении не заключается ничего идущего вразрез с учением Святой Церкви и святых отцов. Говоря так, я вовсе не разумел и не разумею, что для того, чтобы познать Господа Иисуса Христа, нужно обязательно отдаться во власть антихриста. Но в той или иной форме – в зависимости от личности, воспитания, в зависимости от всей совокупности жизненных условий человека – обязательно сей дух антихриста преградит человеку путь ко Христу, и если не очистить внутренним своим борением себя от этого препятствующего Богопознанию духа, не может воссиять нам и истинный свет Христов. И не только в личной жизни постоянно встают препятствия для жизни во Христе, но дерзает враг Христа постоянно ставить свои страшные препятствия и на пути шестивия самой Церкви. И Церковь ни с чем иным борется в своем славном шествии, как все с тем же препятствующим ей духом антихриста. По мысли, выраженной в моей юношеской книжке, дух антихриста в разные эпохи меняется, ибо он как бы растет, как бы зреет, дондеже явит себя миру в образе рождаемого зверя. А пока сроки и времена не исполнились, различные лики и образы его являются нам в жизни.

Выписка из дневника отца Иоанна и касается этой истины – необходимости пережить дух дьявольский, антихристовский, богоборческий, прежде чем воссияет Дух Христа.

«Не испытаешь на себе действий злых козней духа злого – не узнаешь и не почтишь, как должно, благодарный, даруемых тебе Духом благим; не узнавши духа убивающего, не узнаешь и Духа Животворящего. Только по причине прямых противоположностей: добра и зла, жизни и смерти – мы узнаем ясно ту и другую; не подвергаясь бедам и опасностям смерти телесной или духовной, не узнаешь сердечно и Спасителя, Жизнодавца, избавляющего от этих бед и от духовной смерти. О, Иисус есть утешение, радость, жизнь, покой и простор наших сердец! Слава Богу, Премудрому и Всеблагому, что Он попускает духу злобы и смерти искушать и мучить нас! Иначе как бы мы стали ценить утешения благодати, утешения Духа Утешительного, Животворяще-

го!» [Иоанн Кронштадтский, прав. Моя жизнь во Христе. Запись 111].

В каком отношении для нас важно уяснить эту духовную истину? Она практически важна для каждого из нас в том отношении, что при той борьбе, иногда чрезвычайно мучительной и страшной, человек не должен думать, что он один только оказывается в таком тяжком душевном состоянии, и потому не должен впадать в уныние, в соблазн, в маловерие; пусть ему не покажется, что перед ним поставлено какое-то единственное в своем роде препятствие, лишь ему прилежащее, преодолеть которое у него нет сил. Пусть он помнит, что это есть та преграда на пути его, которая всегда стоит на пути человека, желающего стяжать спасение.

Опасно, когда это препятствие вдруг как бы сливается с самим человеком и то страшное искушение антихристового духа, которое встало на его пути, как бы делается им самим. Это самая тяжкая форма и степень борьбы и искушений. Но чаще всего бывает не так. И все-таки у многих опускаются руки, когда видят они себя окруженными со всех сторон такими неожиданными сомнениями, такими неожиданными страстями, и человеку думается, что все это возникло из недр его собственного духа, он начинает сам себе казаться каким-то отверженным грешником, которому нечего и мечтать о помиловании и спасении. Пусть вспомнит он тогда эти слова: нельзя узнать Христа, не пережив антихриста.

1925

{Из послесловия к роману-исповеди «Антихрист (Записки странного человека)»; «Беседы об отце Иоанне Кронштадтском»}

Публикацию подготовил
Сергей Чертков

СЕКРЕТЫ

Советь – самое первое Священное Писание, данное Богом первозданным людям.

Старец Паисий Святогорец

Скажите, пожалуйста...

 <p>Вот что ответили журналу на его вопросы...</p>	<p><i>Николай,</i> предприниматель</p>	<p><i>Ирина,</i> домохозяйка</p>	<p><i>Петр,</i> менеджер</p>
<p>Как бы вы сформулировали: что такое искушения? Откуда они идут? К чему могут привести?</p>	<p>Искушения живут в природе человека, в его генетике. Очень зависят от среды обитания. Свободное время, способ его проведения способствуют их проявлению. Искушения во многом определяют жизненный путь.</p>	<p>Самые различные соблазнительные предложения, которые сулят человеку душевный или телесный комфорт. Оттуда они и идут – от души и от тела. А угождение им приводит к духовному обнищанию или телесной немощи.</p>	<p>Это соблазн поддаться тому, что связано с желанием получить наслаждения или выгоды. Идут они от несовершенства человеческой природы. А приводят к разрушению личности.</p>
<p>Что, по-вашему, труднее преодолеть – искушения плоти или искушения духа? Вкусно и обильно поесть, развлекаться до изнеможения, предаваться любовным утехам или, например, не раздражаться, с пониманием относиться к людям, не осуждать?</p>	<p>Считаю, что это зависит от обстоятельств. А может быть взаимосвязано и взаимозависимо. Например, именно зависть может стать причиной убожания себя.</p>	<p>Одно и другое одинаково опасно. В зависимости от ситуации.</p>	<p>Одинаково трудно. Они – совершенно разные, и бороться с ними надо по-разному. Для души – укрепление в вере, воспитание воли, развитие нравственности. Для тела – смотря о каком искушении речь.</p>
<p>Как вы думаете: какие искушения представляют наибольшую опасность для людей?</p>	<p>Духовная пустота. Отсутствие идеи жизни без общечеловеческих ценностей.</p>	<p>Все, то есть любые. Просто у каждого они свои.</p>	<p>Если смотреть на жизнь, веря в вечность души, то это – безусловно, духовные искушения. Ведь их воздействие на душу будет так же вечно, как вечна душа. А тело? Оно ведь временно...</p>
<p>С какими искушениями труднее всего бороться лично вам?</p>	<p>Лично мне – со всеми.</p>	<p>Затрудняюсь ответить</p>	<p>Смотря о каких искушениях идет речь. Бывает по-разному. Иногда легче преодолеть духовные искушения.</p>
<p>Случалось ли вам поддаваться искушению, хотя вы знали, что могли бы это не делать?</p>	<p>Конечно. Но то, что от них можно было воздержаться, к сожалению, узнаешь позже, когда уже «дело сделано».</p>	<p>К сожалению, да.</p>	<p>Случалось. Думаю, как и каждому живому человеку.</p>
<p>На кого вы больше всего надеетесь, борясь с искушениями: на себя, на Бога, на окружающих (родственников, друзья, государство)?</p>	<p>На себя. Но – в Боге.</p>	<p>Только на себя, уповая на помощь Бога</p>	<p>Сложно сказать. Скорее всего, на себя. Ведь Бог дал человеку свободу воли. Если надеяться только на Бога, это будет оправданием для тех, кто не может или не хочет бороться с искушениями.</p>

КАКИЕ ОНИ, ИСКУШЕНИЯ СЕГО ДНЯ?

Анкета «Лампады»

<i>Вадим, журналист, краевед</i>	<i>Валерий, фермер</i>	<i>Анна, мама четырех детей</i>	<i>Александр, руководитель отделения компании</i>
			
По-моему, это духовная провокация, стремление отдалить человека от Бога. В лучшем случае, они могут испортить настроение или ближайшие планы. В худшем – способны привести к серьезному нравственному падению.	Это своего рода тест для внутреннего «я». А идут они, как и всё, от Бога. А ведут, если им не поддаваться, к освобождению от страстей, к спасению. А иначе – сами понимаете...	Это – испытания, проверка на твердость в Истине, в вере. Бывают от Бога, могут быть от диавола. Мы зачастую не хотим в этом разобраться, ведемся на них, а потом говорим: это Господь послал нам искушения.	Это что-то вроде предложения, а ты сам уже решаешь, принять или нет. Примешь, согрешишь – сделаешь шаг назад. Преодолеешь – станешь на шаг ближе к Богу. Искушения могут быть как от Бога, так и от диавола, но задачи у искушений разные.
Искушения плоти преодолеть проще. Например, достаточно лишь перестать думать о предмете своих телесных вожделений. Искушение духа – зависть, славолубие, осуждение... – победить куда сложнее.	Искушения духа, конечно, хотя результат не всегда может быть осязаемым, вещественным.	И то, и другое бывает трудно. Все зависит от степени духовного развития человека. Ведь плоть и дух – части целого. Но ведь встречаются и такие люди – любящие плотское, но при этом совсем не склонные, например, к осуждению. Здесь все индивидуально.	Все сложно преодолеть. Бывает, сумел победить плотские искушения, а тут раз – и на духовном фронте провал. Очень часто это взаимосвязано. К примеру, гневаешься на кого-то, а успокоение ищешь в том, чтобы вкусно выпить и закусить...
Безусловно, искушения духа. Уступая именно таким искушениям, мы совершаем различные предательства, перестаем жить «не по лжи», говоря словами Александра Исаевича Солженицына. В результате таких искушений мы часто предаем Самого Бога.	Все искушения, на мой взгляд, опасны. Большие – своими непременными катастрофическими последствиями. Маленькие – своей внешней незначительностью. А большое складывается как раз из малого.	Из искушений плоти: блуд, прелюбодеяние, которые разрушают человека в корне: и душу, и тело. Из искушений духа: безразличность, холодность, эгоизм.	Конечно, духовные искушения. Сегодня искушения, перешедшие в грех, – это немилосердие, жестокосердие, осуждение и особенно – неумение и нежелание возлюбить ближнего, как самого себя...
Лично мне – с искушениями духа. Сегодняшний мир – это сплошные искушения. Но укрыться от них нельзя. Поэтому все время надо быть во всеоружии.	Да со всеми! И с большими, и с малыми.	Раздражение, осуждение, себялюбие.	Со всеми. Это зависит от внутреннего состояния и от того, что происходит в данный момент в моей жизни.
У меня вспыльчивый, взрывной характер. Поэтому часто непредвиденные ситуации могут вызвать гнев. Особенно часто так бывает после паломничеств по святым местам.	Много раз.	Да, конечно, случалось.	Да, случалось, и неоднократно.
На милость Божию к нам, немощным и нерадивым. «...Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения...».	Надеяться надо только на Бога. Ну и хотелось бы, чтобы там, где возможно, было поменьше искушений. Например, от государства.	Надо надеяться и на Бога, и на себя, и на близких. Ведь бывает и так, что близкие подчас могут помочь, подать пример, молиться. По их молитвам, глядишь, и появляются силы.	На Бога и на себя. Здесь нужна синергия, то есть совместное усилие человека и Бога в деле подвига и спасения.

Человек и «странный гражданин»: кто кого одолеет?

Почему люди становятся все более падкими на искушения?

– Как почему? Люди мы или нет? Любопытство-то куда денешь? Да ведь и «враг-то рода человеческого», «странный гражданин», как зовет его Постная триодь, умеет свой «товар» подать. И, конечно, его не «искушением», а где прямой необходимостью, а где даже и добродетелью норочит повернуть. А уж тем более при рынке на дворе. Рекламу-то поглядите – ведь она вся этим «странным гражданином» и сочинена, а вроде печется о нас с вами и поощряется искушающим государством, которое часто с этим своим «гражданином» состоит в прямом договоре.

– **Искушений становится все больше, и они все изощреннее. Не означает ли это, что христианство отступает перед ними?**

– Ну, про «отступает», может, и не скажешь. Скорее просто за своими заботами не всегда видит. Да ведь и батюшки-то не с небес берутся, а из той же матушки-жизни, которой мы все живем. И, пока их зрение изострится церковью и внутренней духовной борьбой, не год и не два пройдет. Но зрение это выковывается, и церковь нарабатывает язык сопротивления.

– **Если уступчивость человека перед искушениями идет от его первородно поврежденной природы, не снимает ли это вины с людей сегодняшних?**

– Это мы ловко выучились отговариваться. Да только первородно-то поврежденная природа тоже не кем иным, как человеком, повреждена, так что вины тут не снимешь, а вот изживать ее и выправлять очень надо. Эта вина нам, может, для того и дана, чтобы бодрствовать, а не отговариваться адамовой слабостью.

– **Что, по-вашему, правильнее: всеми силами избежать искушения или победить его? Не считать ли первое выражением трусости, а второе – отваги?**

– Избежать – это и есть победить. Значит, увидел оружие врага вовремя и уклонился. А уж как отведал, а потом преодолел, то это победа с изъязцем. Дай, мол, попробую, а потом преодолею – это как раз одна из форм искушения и есть. Тут «странный гражданин» ручки-то и потирает. Хотя, конечно, это тоже победа. И как всякая победа дорога! Монашеское правило: не дожидаться, пока искушение

сплетет свою сеть, а «отстреливать» его при появлении на горизонте.

– **Всегда ли вы замечаете искушения на своем жизненном пути? Если да, то случалось ли вам сознательно пренебрегать этими наблюдениями?**

– Только и делаю, что замечаю, да устоять не могу. То-то и беда, что мы все теоретически сильны и знаем, что надо делать, да умеем закрывать глаза на опасность –

На вопросы «Лампады» отвечает известный писатель и литературный критик Валентин Курбатов

авось, мол, она и не такова. Монашеское-то правило знаешь, но оставляешь себе лазейку, что сам-то не монах, словно от этого грех становится простительнее. Хорошо, старость помогает и милосердно сокращает число искушений.

– **Готовы ли вы сказать, что для вас самое большое искушение и перед чем вы чувствуете себя наименее укрепленным? Или это очень внутренняя, интимная сфера?**

– Нет большего искушения, чем неверие, перед которым, как мне кажется, по-настоящему не укреплен никто, кроме святых. Оно ловит нас в ученых передачах и умном чтении, в противостоянии церковей, в силках великих ересей, в соблазнах «толерантности». Так что тут уж одно спасение – не забывать евангельское: «Верую, Господи, помоги моему неверию». А в самом близком смысле, не знаю, как для других, а для меня самое тревожное искушение, и старость тут ни от чего не спасает (о, здесь примеров без счета), – это искушение любовью, боязнь, что она явится, как, скажем, явилась М.М. Пришвину уже при внуках, и ты не сумеешь отделить в ней небесное от земного. И венчанием не загородишься, потому что и в нем не всегда сумеешь отличить небесное от земного. К сожалению, слишком часто по близким и дальним товарищам видишь, что браки не всегда совершаются на небесах. Величие Татьяны Лариной останется величием («Но я другому отдана и буду век ему верна»), но ее умершее любящее сердце все будет оставаться вопросом для читателя – где тут граница живой жизни и духовной смерти.

– **Единственный способ противостоять искушениям – полностью отказаться от соблазнов современного мира, или есть другие пути?**

– Конечно, чего бы лучше – полностью отказаться, да тоже ведь живой человек и не всегда умеешь отличить искушение от житейской потребности. Вон самое простое – компьютер. Куда ты без него? А вздумашь, скажем, новости, или хоть погоду в Интернете поглядеть, или билет на автобус купить, так на тебя, словно только и дожидались, кинутся все пороки мира, так что плонешь и обойдешься без новостей и погоды – будешь ждать вечернего телевизора. Тоже зрелище не самое благочестивое, но хоть менее откровенное.

– **Что вообще такое, в вашем понимании, искушения? Отличаются ли «искушения последних времен» от своих предшественников?**

– Нет, пожалуй, не отличаются. Формы-то конечно, сегодня поизобретательнее, но основа все та же – жадность, извращенность, властолюбие, ложь (откройте исповедное правило: там перечислено все, как мир ни старается переодеть искушения в бытовые потребности и «правила общежития»).

– **Что, с вашей точки зрения, более всего помогает противостоять искушениям?**

– А матушка-церковь и помогает. Лучше нее помощника нет. Сам, как ни тщишься, как ни загораживайся «Богом в душе», а непременно соблазнишься – не злом, так гордостью, что все пали, а ты устоял. «Бодрствуйте и молитесь» – вот и все наше оружие.

– **Что говорит ваш личный опыт борьбы с искушениями?**

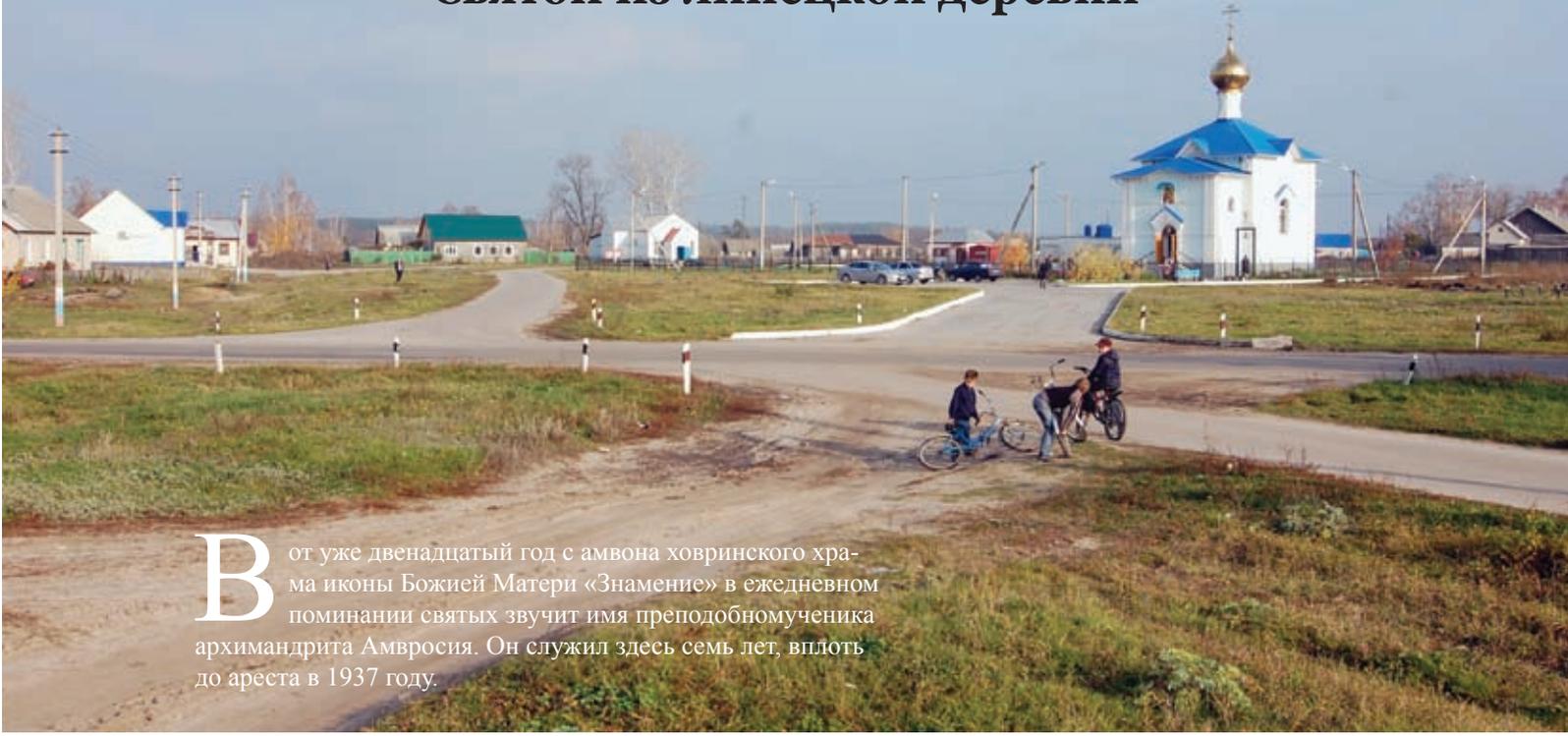
– Только то, что борьба эта трудна и непрерывна и кончается только с нашей кончиной. Что она, по существу, и есть сама жизнь.

СКРЕПЫ

Будущее же наше в руках Божиих. И без искушений прожить век нельзя.

Преподобный Иосиф Оптинский

Святой из липецкой деревни

Вот уже двенадцатый год с амвона ховринского храма иконы Божией Матери «Знамение» в ежедневном поминании святых звучит имя преподобномученика архимандрита Амвросия. Он служил здесь семь лет, вплоть до ареста в 1937 году.

СВОЙ БАТЮШКА

Листая православный церковный календарь, я всякий раз теряюсь при виде огромного числа имен святых, собранных в ежегоднике. Жизнь каждого – это подвиг во имя Христа. У каждого есть свой День памяти, или, как мы говорим, праздник. Есть такой день и у батюшки Амвросия (Астахова). Это – 8/21 октября. Именно в этот день по заданию «Лампады» и с многочисленной родней батюшки я оказался на его родине.

Не сразу жители Борисовки узнали, что всего каких-то 120–125 лет назад по одним с ними улицам, дорожкам и тропинкам ходил будущий святой. Знатная страница в истории села появилась во многом усилиями его потомков и настоятеля местного храма Казанской иконы Божией Матери иерея Алексия Зудина. Именно отсюда (село Борисовка, Добровский район, Липецкая область) оказался родом архимандрит Амвросий (в миру Алексей Аникеевич Астахов), ныне прославленный в лике Бутовских новомучеников. Теперь православный люд Борисовки называет его *своим батюшкой* и приходит в храм поведать о скорбях и житейских проблемах, приложиться к святому образу. И батюшка не оставляет своей заботой всех, с верою притекающих к нему. Известны многие случаи благополучного разрешения затруднительных ситуаций, избавления от физических недугов.

Автор исследований о новомучениках и исповедниках Русской Православной Церкви, пострадавших в трагические для нашей страны 1920–30-е годы, протоиерей Николай Доненко советовал: «Ознакомьтесь с актами мученичества святых XX века, с их подвигом, их судьбой – трагической и болезненной. Они – обычные люди, преодолевающие все, что вокруг и даже то человеческое, что есть в них самих...». Жизнь и смерть архимандрита Амвросия – еще одно тому подтверждение. Он тоже был обычным человеком – жил, как все, молился Богу, нес добро окружающим.

Как правило, родившиеся и выросшие в русской деревне особенно чутко воспринимают природу. Хочется думать, не был исключением и отец Амвросий. Сегодня уже нет тех, кто знал его лично, но достаточно побывать здесь, чтобы и без воспоминаний современников стало ясно: любовь к родным местам не могла не стать частью его внутреннего мира, источником его духовности. Вероятно, именно потому, где бы он ни служил – в московском Алексеевском Архангело-Михайловском Чудовом монастыре, в казанском Головинском монастыре, в церкви села Аксиньино Красногорского района Московской области, в храме в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, – люди чувствовали: его тепло словно исходит от родной деревенской земли.

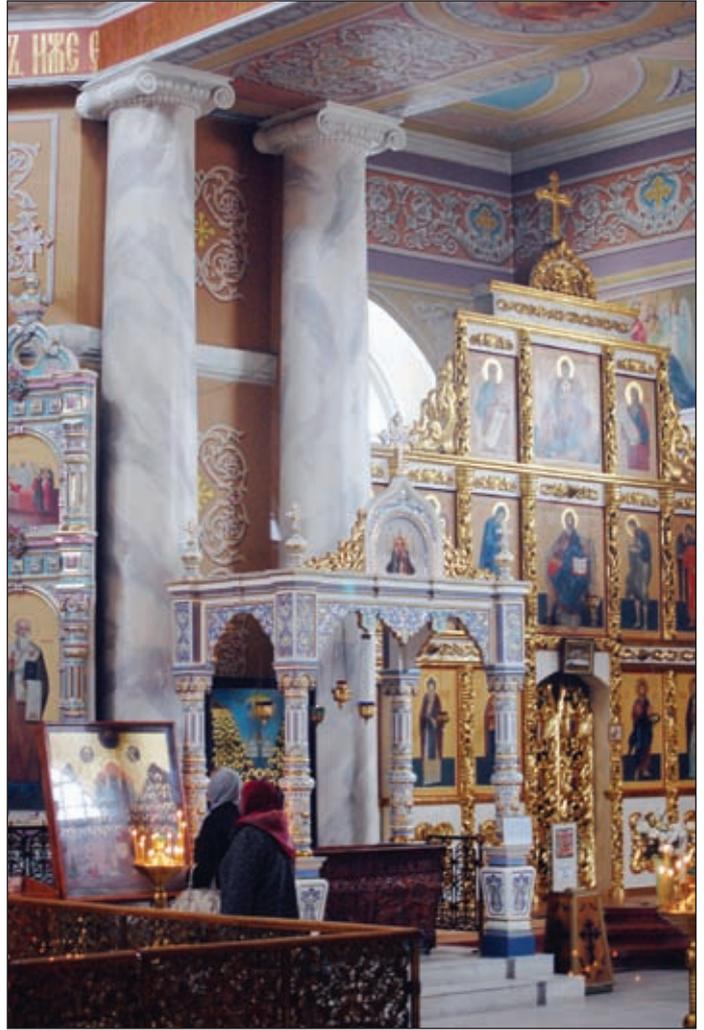
ОЖИДАНИЕ

Воскресное утро 21 октября выдалось хмурым – было пасмурно и зябко. Однако, невзирая на темноту и густой туман, плотно накрывший Борисовку, задолго до рассвета к храму потянулись люди. В этот день исполнялось 75 лет со дня расстрела на Бутовском полигоне батюшки Амвросия.

И все же – праздник. Ибо у Бога все живы. Приехали праправнучки. Из Москвы – Любовь Ивановна Горячева; из Липецка – Елена Михайловна Камнева с мужем и сыном и Наталия Михайловна Жихорева. Наталию Михайловну привез сын Евгений. У него уже своя семья, в которой ждут второго ребенка. Приехал еще один праправнук – Константин Васильевич Харин.

В половине восьмого утра вокруг церкви собралось уже несколько десятков жителей. Многие пришли семьями. Суетятся алтарники и работники храма – наводят последние штрихи церковного благолепия. Особое волнение испытывает настоятель – иерей Алексий. И не только потому, что ожидается правящий архиерей, – архиепископ Липецкий и Елецкий Никон сыграл в судьбе молодого священника важную и благоприятную роль. Удивляться ли после этого чувствам батюшки?

Напряженность разрядило появление из утреннего тумана автобуса. Толпа за-

Все готово к праздничному богослужению

Родня, близкие и земляки святого:

Слева направо. 1-й ряд: Наталья Михайловна Жихорева (праправнучатая племянница), Мария Сергеевна Харина (землячка), Елена Михайловна Камнева (праправнучатая племянница), Лидия Александровна Шлычкова (землячка), Валентина Александровна Знаменицкова (землячка), случайный паломник из Липецка;

2-й ряд: Евгений Геннадьевич Панев (сын Н.М. Жихоревой), Лидия Васильевна Кривошейникова (дальняя родственница), Надежда Сергеевна Нестеренко (подруга Е.М. Камневой), Любовь Ивановна Горячева, (праправнучатая племянница), Сергей Владимирович и Ольга Викторовна Зудины (родители иерея Алексея);

3-й ряд: Константин Васильевич Харин (брат Л.И. Горячевой) и Олег Николаевич Камнев (муж Е.М. Камневой).

шевелилась. «Кто бы это мог быть?» – «Свита владыки!» – «Да нет! Начальство из области». Автобус остановился, и из него посыпался детский десант. Это город Мичуринск прислал на праздник своих представителей – хор юных вокалистов. В сопровождении своего художественного руководителя дети проследовали на территорию храма, построились в две шеренги и дружно повернулись в сторону, откуда должен появиться кортеж владыки.

...Через несколько минут в ворота въехал автомобиль с высоким гостем. Владыка благодарит встречающих, благословляет приехавший из Мичуринска детский хор, который исполнил приветственную песню, и проходит в храм. Начинается богослужение...

**ПРАЗДНИК,
КОТОРЫЙ
ВСЕГДА
С ТОБОЙ**

Образ преподобномученика Амвросия

После литургии архиепископ Никон произнес вдохновенную, прочувственную проповедь. Его слова были искренни, просты и понятны. Речь шла о роли православного храма в жизни людей, о долге настоятеля церкви перед ее прихожанами, о необходимости каждого из нас любить и помогать друг другу. Казалось, что в храме незримо присутствует преподобномученик Амвросий и внимательно смотрит на нас.

И подумалось вот о чем. Далек ли от нас 1937-й год? Нет, не далек. В метафорическом смысле он и не заканчивался, потому что практически в каждом из нас жив маленький диктатор, карьерист, доносчик, лжесвидетель, завистник, трус. Как часто мы бездумно навешиваем ярлыки на других людей. Как часто замечаем соломинку в окое своего ближнего, не видя бревна в собственном глазу. Душевная лень, неодолимая тяга к материальному комфорту заслоняют от нас

беды и боль окружающих. Черствость и бездушие становятся спутниками современного человека. И мы готовы клеймить наших батюшек за то, что они ездят на нормальных, хороших автомобилях и ходят не в рванье. Как быстро мы готовы предать тех, кто порой не смыкает глаз в молитвах о нашем благополучии и душевном покое. Нормальная, полноценная церковная жизнь стала настолько

привычной, что мы просто перестали замечать ценность того, чем обладаем. Мы свободно исповедуемся, причащаемся, читаем духовную литературу. А если завтра все это счастье рухнет? Кто из нас найдет в себе мужество встать на защиту священника? У кого хватит решимости спрятать батюшку у себя дома? Или хотя бы не клеветать на него перед лицом новоявленных гонителей церкви,

«пламенных борцов» за торжество разума, прогресса и демократии?

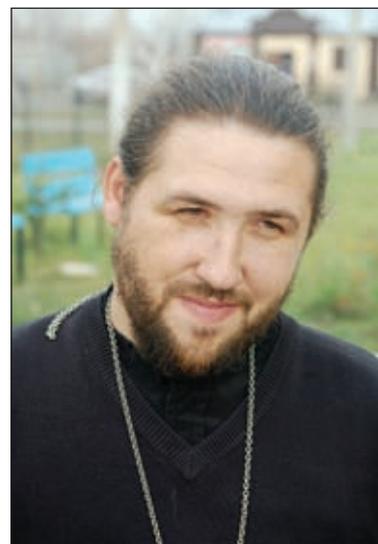
Я вдруг понял, что личность и подвиг архимандрита Амвросия глубоко проникли в мою душу. Даже несмотря на то, что биография этого преподобномученика еще плохо исследована. Но я верю: все, что нам необходимо узнать о нем, – откроется непременно. Я отметил для себя дату 21 октября 2012 года как отправную точку, с которой начинается мое внутреннее общение с отцом Амвросием. Я буду стараться жить, действовать и мыслить так, чтобы не огорчать его. И если мне удастся пронести эту настроенность и хоть частично выполнить данные ему обеты до следующего дня памяти, до 21 октября 2013 года, то это будет уже не один «красный день календаря» в году, а большой, светлый и радостный праздник, который останется со мной навсегда.

Фото автора

Село Борисовка, Липецкая область

Архиепископ Никон

Отец Алексей

Иконописец Дмитрий Молчанов

Мария Абашкина

Моя маленькая жизнь в Польше

Небольшой Супрасль обойти можно за час, а то и меньше. Возможно, поэтому там сразу попадаешь на «православный след». Именно он подарил непривычное для этой страны словосочетание: православная Польша.

Я увидела другую Польшу – не шумную и суетливую Варшаву, не туристический Гданьск или студенческий Краков со множеством портретов Иоанна Павла II. Город наполнен тишиной. Не торопится, течет речка Супрасль. Рыбаки дремлют с удочками, пахнет печным дымом. Покой и умиротворение. Я поймала себя на мысли, что так умиротворенно чувствую себя дома, в родном храме.

На берегу реки расположился Благовещенский монастырь. Строится. И радуется глаз белизной стен и позолотой крестов. «Монастырь строится – значит, живет», – вспомнились слова одного из насельников Оптиной пустыни. На утренней службе небольшой храм полон. Главный собор не отапливается, и потому открывают его только по большим праздникам, но для гостей из Москвы сделали исключение. Храм был разрушен немцами в 1944 году почти до основания и восстановлен в 1980–90-е годы. Именно там находилась икона, ради которой стоило приехать сюда из Москвы, – копия иконы Божией Матери «Одигитрия», написанная в монастыре в XIX веке в связи с его четырехсотлетием. «Сегодня перед чудотворной иконой молятся люди разных конфессий, – пояснил экскурсовод-послушник. И скромно добавил: – Известны случаи исцелений».

А меня уже ждал музей икон – филиал государственного Подляского музея в Белостоке. В нем хранится около по-

Икона Божией Матери «Одигитрия»

лутора тысяч образов, конфискованных на русской границе, частью в советское время, частью уже после перестройки.

Расхожая фраза «Сделано с любовью» приобретает осязаемый, вещественный смысл, когда оказываешься в музее. Переходы, подсветка, лабиринты – все устроено так, чтобы увидеть иконы во всей их небытовой красоте и проникнуться их сакральным смыслом. Звучит музыка – православные распевы, народные песнопения во время крестных ходов.

В специально отведенной нише – макет Благовещенского собора. Можно

заглянуть в воссозданную мастерскую иконописца, тут же на стенах современные фотографии – крестный ход и бабушка в синем платочке, с крестом в руках. Как живая. А в одном из залов – фрески уничтоженного собора. Реставраторы по крупицам восстановили, что могли. А за стеклом – останки того, из чего уже не удалось воссоздать целое.

В Польше бережно относятся и к музыкальному наследию. В 2008 году под руководством Марка Абийского возник мужской хор «Bogdan Onisimowicz». В его исполнении прозвучали литургические песнопения Супрасльского монастыря XVI века, восстановленные по рукописи «Ирмология из Супрасли». Мелодии, написанные на 576 страницах, «составляют уникальное, живое доказательство богатых мелодических традиций православного мира XVI века», – пишет Марк Абийский. Рукопись содержит полный годовой литургический цикл. Дело не только в уникальной музыке, но и в исполнении, во время которого кажется, что звуки поднимают тебя к небу выше и выше, будто строится лестница, чтобы приблизить человека к Богу, чтобы лучше донести к Нему свои молитвы.

Но момент отъезда неизбежен. Прощаясь с небольшим польским городком Супрасль. Ощущение, будто прожила здесь маленькую жизнь – те два дня, которые невозможно забыть. И хочется вернуться и увидеть, и пережить все заново. Как приятно чувствовать, что в центре католической Польши бьется маленькое православное сердце.

Супрасль – Москва

Черно-белый негатив

Измаиль. Маринская ул. Нетрудно догадаться, что так писали еще до «исторического выстрела крейсера революции»

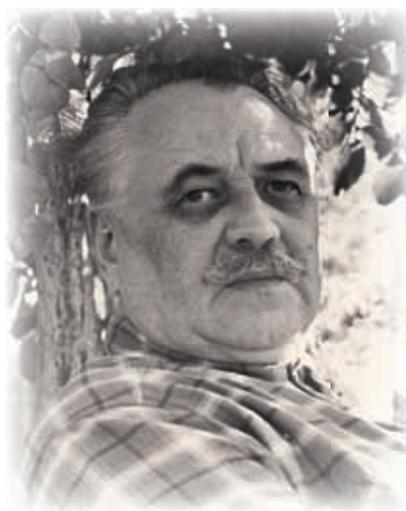
Минувшим летом, разбирая с мамой дедушкин архив, мы нашли завернутые в папиросную бумагу два черно-белых негатива. На каждом было написано «Измаил. Храм!».

Осенью мне удалось отсканировать эти пленки. Теперь время от времени я открываю в компьютере папку с дедушкиными снимками и долго разглядываю их. Это тяжело. Но мне кажется, эти снимки что-то очень важное хотят сказать нам, сегодняшним. Они вопрошают нашу совесть.

Нам еще предстоит исследовать, разобраться и понять, что происходило в те годы с нашей страной. Почему именно на время «оттепели» (с 1958 по 1964 год) пришелся очередной приступ агрессии по отношению к Церкви? Зачем власть вновь, как и в первые послереволюционные годы, с изуверством стала уничтожать веру отцов и доламывать памятники старины? Кто и какую угрозу почувствовал тогда в православии? Что стояло за жест-

Когда я сменил свой старенький пленочный «Зенит», подаренный когда-то дедушкой, на цифровой карманный аппарат, изменилось что-то в моем взгляде на вещи. Окружающий мир будто стал глянцевым и плоским, он как-то перестал улавливаться в объеме. Видимо, «цифра» влияет на наше ощущение пространства. И даже на чувство времени. Оно ускорилося так, будто перед ним сняли какую-то плотицу. И время тут же обмельчало. Но после этого мы по-новому смотрим старые альбомы. Тот черно-белый мир, который казался нам обыденностью, открылся в своей

смирной красоте. Да, черно-белые снимки не дают представления о многокрасочности мира, но они хранят свет, его живое, струящееся течение. Недаром первое, из XIX века, название черно-белой фотографии – светопись. И то, что хранится в наших альбомах, – это не только драгоценная для истории семьи хроника больших и малых домашних событий. Это жизнь, запечатленная Божьим светом. Тем светом, который «Свете тихий святыя славы, безсмертнаго Отца небеснаго...». Память сердца и память света.

Леонид Иванович Рыбаренко

кими антирелигиозными директивами – страстное желание Н.С. Хрущева поскорее избавиться от всего, что, по его мнению, было помехой на пути к коммунизму, или сложная игра скрытых сил, желавших подставить «пер-

вое лицо» под удар, дискредитировать его в глазах людей?

Кому и зачем хотелось унижить народ, только начинавший оттаивать душой после войн и репрессий? Только вернулись из ада лагерей те, кто сумел выжить. Первым взлетел в космос Юрий Гагарин. Люди светились радостью. Страна открывалась миру. Тысячи людей после чада коммуналки обрели свой дом... И тут вдруг по сотням райцентров и областных городов средь бела дня – скрежет танков и бульдозеров. Происходило демонстративное разрушение самых заметных храмов, тех, что архитекторы называют «доминантами городской среды».

Почему интеллигенция – поэты и писатели, владевшие умами миллионов людей, собиравшие на свои выступления стадионы, – почему они постарались не заметить происходящего?

Невольно думаешь и о сегодняшнем дне, когда людьми вновь овладевает какое-то затмение и они ополчаются на

родные святыни. Только уже не бульдозером орудуют и не киркой, а злым словом, информационными «вбросами» или баллончиками с краской. Кому-то хочется доломать и без того надломленный душевный строй народа. А может, не кому-то, а уже нам самим, ослабшим и искусившимся, хочется поскорее «переформатировать» себя, чтобы комфортно вписаться в глобальный мир? Чтобы не болела душа, не колола совесть и память хранила лишь «позитив».

Подолгу вглядываюсь в лица на снимках, словно могу узнать кого-то. Удивленные дети, опечаленные старики, любопытные домохозяйки, увлеченные зрелищем подростки, хмурые молодые рабочие в спецовках, испуганные советские служащие...

Замечаю детали, которые пропустил раньше. Только увеличив на экране снимки, я увидел птиц – похоже, белых голубей, – бесстрашно выходящих около купола гибнущей колокольни. Вокруг лязг техники, грохот сокрушаемого камня, крики людей, а они, как ангелы, не отлетают в стороны, не покидают храм до конца. Быть может, то был тот день и час, когда ангелы становятся видимы?..

А происходило все это, очевидно, летом 1963 года. Мои дедушка и бабушка, режиссеры научно-популярного кино Леонид Иванович Рымаренко и Вера Елисеевна Волянская, приехали в

командировку в Измаил. Там жил автор сценария их будущего фильма Ниссон Моисеевич Орлов.

Фильм посвятили сбережению леса, бережному отношению ко всем растениям, о чем тогда мало кто задумывался. Нашли название: «Наш неизменный друг». Обсуждали сценарий, намечали места съемок. В свободное время знакомились с городом. Вот как вспоминала о дальнейших событиях Вера Елисеевна (у нас в семье хранится рукопись бабушкиных воспоминаний, которые она успела написать в 1990-х годах): «Измаил – очень своеобразный, красивый, уютный город на берегу Дуная. Центр города украшала стройная церковь, на которую мы каждый день любовались. Однажды вечером мы сидели в гостях у Орлова и его жены Маруси и обдумывали планы на следующий день. Слушали музыку – Ниссон был большой знаток и любитель хорошей музыки. У него дома стоял чудесный, хранимый с давних времен, патефон. И тут мы вдруг услышали страшный грохот с той стороны, где стоял храм. Мы спешно отправились туда, а когда мы подошли, то увидели страшное зрелище: налетавшие на церковь танки крушили ее. И длилось это трое суток! Все эти дни толпы людей окружали церковь. Реагировали по-разному: одни плакали и кричали, другие, постояв, молча уходили подальше. В последний день крушили колоколь-

ню. Сбросили колокола. Сбросили на землю крест. Казалось бы – все, конец, но сама церковь никак не хотела разрушаться. И тогда началось зверство: к вершине колокольни привязали тросы, и бульдозеры начали тянуть, дергать во все стороны. Молодежь поражалась крепости постройки, которую не могли сокрушить даже такими силами. Только к вечеру третьего дня домучили эту бедную церковь. Ее останки еще долго виднелись на площади, напоминая о вандализме эпохи...».

Все эти дни Леонид Иванович приходил к храму с фотокамерой и снимал происходящее. Это не были осторожные съемки «скрытой камерой». Во-первых, на дедушку нельзя было не обратить внимания: статный, могучий мужчина с внешностью бравого генерала 1812 года. Во-вторых, он был человеком бесстрашным и прямым, в кустах никогда не прятался, в войну был награжден орденом «Красной Звезды».

Леонид Иванович не только фиксировал для истории расправу над храмом, он пытался ее остановить – пошел в горком партии, предъявил билет члена Союза кинематографистов и потребовал прекратить разрушение. Его хотели «по-товарищески» урезонить, ссылались на директиву «из центра», просили не поднимать шум, угрожали не допустить в дальнейшем киногруппу в город.

Словно ножом гильотины

Впечатления детства обычно самые сильные. Такие – в особенности

Дедушка продолжал снимать хронику разрушения. Причем в его объективе был уже не только храм, но и местные руководители, приезжавшие на место событий.

Вера Елисеевна вспоминала: «В один из дней к Леониду подошел какой-то человек и предложил прекратить съемку, “если вы не хотите, чтобы аппарат с пленкой у вас отобрали в органах”. Леня продолжал снимать и за три дня отснял три пленки...».

Конечно, Леонид Иванович рисковал. Если не жизнью и свободой, то уж точно – любимой работой, благополучием семьи. Но в те дни он исполнил то, что считал своим долгом. В этом открытом стоянии с фотокамерой был его протест. В том, как дедушка бережно хранил измаильские негативы, было его послание внукам и правнукам: помните.

Осенью 1963 года на Свердловскую киностудию, где работали Леонид Иванович и Вера Елисеевна, из Москвы пришла бумага с требованием строго наказать режиссера Л.И. Рымаренко за его поведение в Измаиле. Но вскоре в верхах пошла нестроения, власть Хрущева зашаталась, и студийное начальство спустило дело на тормозах.

Из воспоминаний Веры Елисеевны: «...А в измаильских газетах написали, что на месте церкви построят “прекрасный дом”. Не знаю, что они

там построили... Мы потом не раз еще приезжали в Измаил, жили в гостинице “Приморской”, но в сторону той площади, где стоял храм, мы больше не ходили. Даже смотреть в ту сторону не хотелось...».

Не сразу мне удалось выяснить, как назывался уничтоженный храм. Связался с измаильскими старожилками. Они сначала предполагали, что это храм Димитрия Солунского, но вскоре пришли к выводу, что в 1963 году был разрушен Свято-Никольский храм. Его историческое название – церковь святого Николая в крепости Измаил.

Я переслал несколько снимков одному моему читателю-измаильцу. Он написал мне: «К сожалению, никого в лицо я не узнал. Мне было три года! Но многие из мальчишек, надеюсь, еще живы. Среди взрослых людей практически одни “пароходчики”. Так называли моряков Дунайского речного пароходства. Я моряков того времени сразу узнал по болоньевым плащам (все в то время их покупали в Австрии), и по туфлям с острым носком. Судя по снимкам, это не просто моряки, а командный состав Дунайского пароходства – старпомы и капитаны...».

Мне сообщили, что на месте храма никакого «прекрасного дома» так и не возвели. Одно время была спортплощадка, а сейчас – заросший пустырь.

ВОЗМЕЗДИЕ

*Войти тихонько в Божий терем
И, на минуту став нездешним,
Позвать светло и просто: Боже!
Но мы ведь, мудрые, не верим
Святому чуду. К тайнам вешним
Прильнуть, осенние, не можем.
Дурман заученного смеха
И отрицанья бред багровый
Над нами властвовали строго.
В нас никогда не пело эхо
Господних труб. Слепые совы
В нас рано выклевали Бога.
И вот он, час возмездья черный,
За жизнь без подвига, без дрожи,
За верность гиблому безверью
Перед иконой чудотворной,
За то, что долго терем Божий
Стоял с оплеванной дверью.*

Иван Савин

*11 ноября (29 октября) 1922 года,
Гельсингфорс*

ЭКРЕПЫ

О, если бы обращали внимание на последствия наших грехов или добрых наших дел! Как мы были бы тогда осторожны, бегая греха, и как были бы ревностны на добро.

*Святой праведный
Иоанн Кронштадтский*

Дело сделано. Можно отчитаться

Следы котлована – словно окопы давней войны

Нина Третьякова

Мария

Она родилась, когда власти большевиков только-только исполнилось десять лет, – в 1928 году. Россия еще не успела вкушать все «радости» новой жизни, но грозные признаки уже маячили на горизонте. Однако это был еще не конец, как сказано в Евангелии. Многие еще не отрелись от своей веры.

М.Н. Дольникова

Еще молились Богу, клали поклоны, старались блюсти заповеди Господни и в селе Жуланка, что в Кочковском районе Новосибирской области, откуда родом наша Мария. От своих православных родителей – Николая Юрьевича и Устиньи Фоминичны – унаследовала исконное вероисповедание и она. Только ведь верой одной, как известно,

ска яблоку негде упасть: женщины, дети и старики упали на колени, плачут и молятся – враг у стен Москвы».

– До сих пор тот плач звучит в моих ушах – и мороз по коже. Жутко было, – вспоминает сама Мария. – Именно тогда я поклялась Богу: если будет наша победа, обязательно построю церковь.

С того завета и началась главная дорога ее жизни. И так складывалось, что все, что с нею ни происходило, так или иначе, сопутствовало ей в следовании этой главной дорогой. Первый брак оказался, увы, недолговечным – однако, грех жаловаться, два сына, Геннадий и Николай, станут в дальнейшем ее сподвижниками в исполнении данного Господу завета. (Сегодня они уже вполне взрослые, самостоятельные люди, со своими внуками). Но до того момента пройдет еще время и время. Потому что одно де-

ное. Особенно если речь идет о таком многотрудном деле, как возведение храма. Тут одних только денег, если даже вдоволь, – и то мало. А если нет еще и их...

Жемчугов и бриллиантов Мария Николаевна, понятно, не наследовала, должности рядового счетного работника, даже главного бухгалтера одного из отделений Сибирской железной дороги, затем даже главного бухгалтера крупного управления в Минсельхозе сверхдоходов тоже тогда не приносили, да еще двое сыновей на руках, – об исполнении завета можно только мечтать. Второй брак, казалось бы, готов был приблизить мечту, но десять лет счастливой жизни перечеркнула вдовья судьба. И хотя православному человеку унывать не пристало, ей казалось: все самое интересное – прошло.

Мы любим говорить о Промысле Божиим как о некоем предопределении, но чаще делаем это, анализируя уже состоявшееся в нашей жизни: вот, мол, все было по Промыслу и так да-

Горный Алтай. Поселок Мьюта

семью не прокормишь. Вот и подались Деменины за лучшей долей в иные края и осели в Новосибирске, еще недавнем Новониколаевске. Правда, и там они заветной доли не обрели, но деваться было некуда.

Коррективы внесла Великая Отечественная. Ушел на фронт отец. Был ранен. Со слов Марии Николаевны, журналист воспроизвел картину: «В Вознесенском соборе Новосибир-

Храм во имя Архангела Михаила

лее. Нет, я не зову угадывать будущее, тем более что как раз это не поощряет Церковь. Но думать над тем, что происходит, почему и, главное, для чего – вот, мне кажется, занятие, достойное православного человека. Последнее у Марии Николаевны пока не очень получалось: ей казалось, что интерес к жизни ушел навсегда. Однако спустя несколько лет все переменялось. Ведь любовь, по слову апостола Павла, «не перестает»? Так случилось и у Марии.

О таких, как Юрий Яковлевич Дольников, говорят: «Всё при нем». Привлекательный внешне, с чудесной душой, общительный и доброжелательный, он был одним из крупнейших российских ученых в области ветеринарии. Его препараты для животных пользовались большим спросом в сельских хозяйствах страны. Но, как оказалось в будущем, у профессора Дольникова оказался еще незаурядный талант бизнесмена. Созданная им структура под названием «Росветфарм» очень скоро превратилась в чрезвычайно успешное коммерческое предприятие.

Словно выполнив свое предназначение, через шесть лет, в 1994 году, Юрий Яковлевич отошел ко Господу. Его дело взяла в свои руки Мария Николаевна: и опыт позволял, и стойкости уже было не занимать, и, главное, тот, давний завет, данный Богу, теперь мог стать реальностью. Ее жизнь словно прошла несколько этапов: первый, дет-

ский, наполненный верой и войной; второй – принесший радость материнства и горечь несостоявшегося семейного счастья; третий, в котором она наконец узнала, что любовь все-таки есть; и четвертый, нынешний, – все та же любовь, но еще и возможность сдержать слово, данное Богу, – построить храм. Наконец она вышла на главную дорогу своей жизни.

Первой вехой стал храм во имя архистратига Михаила в научном поселке Краснообск. Верующих там было много, а церкви – ни одной. Что примечательно: в то время в среде интеллигенции не было такого мракобесного отношения, с каким встречается наша Церковь сегодня. Руководители центра сибирской науки если и не стояли в храме со свечой в правой руке, к вере относились с уважением.

В 2003 году храм был освящен, но, сдержав слово, Мария Николаевна поняла: все это – только начало.

За время, прошедшее с 1999 года, то есть с закладки Михайловского храма, построены: церковь во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского в п. Пашино, храмы Святой Троицы в с. Болтово, Михаила Архангела в п. Мыюта на Горном Алтае, перестроены из бывших магазинов храмы во имя Вознесения Христова в с. Мереть, Иверской иконы Божией Матери в д. Чебула, Всех Святых в с. Киик. Написано более 150 больших храмовых икон, которые

Храм Архистратига Михаила. Снаружи. И внутри

Храм Святой Троицы, с. Болтово

Храм Покрова Пресвятой Богородицы, с. Завьялово

переданы в храмы Новосибирской, Томской, Кемеровской областей и Алтайского края. Установлены резные иконостасы в пяти храмах – св. прав. Иоанна Кронштадтского в с. Кислуха, Преображения Господня в с. Озерки, Покрова Пресвятой Богородицы в с. Завьялово, Святого Духа в п. Евсино, великомученика Георгия Победоносца в Новом поселке.

Как этот список ни актуализируй, он всегда будет отставать от реальности. Все время что-то строится, обновляется, реконструируется. Где-то рядом с новым храмом уже построен и церковный домик, где-то поставлена, пусть пока временная, звонница, на очереди – колокольня. О самой Марии Николаевне отзываются по-разному. Так на то и люди разные. Кто-то чуть ли не молится на нее, а кто-то говорит, что «зимой снегу не допросишься». То, что она человек твердый, с напором, – несомненно. А иначе такую гору дел не провернуть. Не все же у нее в помощниках такие, как сыновья Николай и Геннадий. Или как мастер-храмоздатель Владимир Петрович Богдан. Ему и объяснять долго не надо – сам знает, и уговаривать не приходится – руки сами работу ищут. Или взять Петра Александровича Чернобровцева, который сменил неожиданно умершего архитектора Анатолия Николаевича Панина. Принял эстафету из искусных рук, и дело покатило дальше, так же, без сучка и задоринки. А Виктор Федорович Агеев? Как уж он подобрал команду талантливых художников-богомазов?.. Все иконы написаны грамотно, по канону, краси-

во, тщательно и аккуратно. Загляде-нье! По всей Сибири смотрят на православный народ святые лики. Было бы несправедливо не назвать Аллу Алексеевну Варнееву. Она была главным инженером-конструктором на строительстве Михайловского храма, первого, с которого начала выполнять свой завет Мария Николаевна. Возможно, поэтому у нее особое тепло к этой женщине.

А уж представители клира епархии – им, как говорится, Сам Бог велел содружествовать с Марией Николаевной и ее командой. Архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон, например, непременно благословляет начинание, помогает молитвой, советом, нередко освящает новые храмы. Священники Олег Просенков, Алексей Матанцев, Игорь Меняйлов, Павел Тайченочев, многие другие, как правило, и есть объект забот и попечения: кому-то храм строят, кому-то восстанавливают, кому-то ладят церковный домик...

Время летит быстро и незаметно. Разве только по смене людей отмечаешь его бег. Почил в Бозе епископ Новосибирский и Бердский Сергей, а ведь именно он освящал закладной камень под фундамент первого, заветного храма Марии Николаевны Дольниковой. Вернулся на прежнее место владыка Тихон, и теперь уже он благословляет возведение новых храмов. Игумен Николай (Чашин) переведен с повышением в другую епархию. Сменился в храме села Киик настоятель. А храмы – стоят. И будут стоять. И сколько в них еще придет новых людей – не счесть. Как не счесть и тех, кто уверо-

вал во Христа за время, что помогал Марии Николаевне выполнять главное дело жизни. Церковь наградила ее орденом равноапостольной Ольги III степени, а многих ее сподвижников – грамотами. Сейчас Марии Николаевне за восемьдесят, но она не сходит со своего пути.

И буквально несколько слов о Промысле Божиим. В поселке Пашино, под Новосибирском, Мария Николаевна с сыновьями участвовала в восстановлении храма в честь св. прав. Иоанна Кронштадтского. Теперь там хранится драгоценнейшая святыня – ряса батюшки Иоанна. Ее завещал передать на родину архимандрит Амвросий, дитя русских эмигрантов и сам вынужденный эмигрант. У нас в стране сотни, если не тысячи, храмов в честь Иоанна Кронштадтского. Но святыня оказалась именно в том храме, к которому была причастна Мария Николаевна. А ее дед, Фома Иванович, лично знал великого праведника и не раз бывал у него.

А как вам такой сюжет? Младший сын М.Н. Дольниковой Николай, будучи в командировке в Москве, поехал с товарищем в Троице-Сергиеву лавру. И когда они вошли в храм, где находились мощи многих святых, к ним подошел незнакомый монах и указал на усыпальницу: «А вот захоронение святого Макария Алтайского-Невского». Откуда он узнал, что они из Сибири? Да и они о святом Макарии в этот момент не думали. Вывод может быть только один: На Небесах все видят и знают о наших благих делах. Да и не о благих – тоже. Об этом надо особенно помнить.

Об авторе. Нина Григорьевна – коренная сибирячка. Окончила Новосибирский Государственный технический университет. Работает сейчас в газетном зале Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук. Правда, ведущим библиотекарем. Любит музыку, играет на фортепиано и пишет друзьям стихи. Это – первая публикация автора.

Дмитрий Шеваров

Вифлеемская звезда над Сталинградом

Исполняется 70 лет со дня окончания Сталинградской битвы. В отечественной литературе о ней сказано немало, но лучшей так и осталась повесть, написанная по горячим следам событий офицером-сапером Виктором Некрасовым.

Виктор Платонович Некрасов родился в Киеве 4 (17) июня 1911 года. Отец – банковский служащий, мать – врач. В 1936 году окончил архитектурный факультет Киевского строительного института и театральную студию при Киевском театре русской драмы. После окончания института работал актером и театральным художником. Играл Хлестакова, Раскольникова и Вронского в железнодорожном передвижном театре и на сцене ростовского театра Красной Армии. Великим днем Некрасов называл 12 июня 1938 года, когда, пробуя поступить в мхатовскую студию, попал на прослушивание к самому Станиславскому. Молодой актер из Киева читал тогда рассказ собственного сочинения.

С августа 1941 года Виктор Некрасов на фронте.

* * *

Недавно я расспрашивал о войне фронтовика Владимира Титовича Пивоварова. В 1942 году ему было двадцать лет, он командовал разведчиками одного из дивизионов 87-го гвардейского арtpолка 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Как самое тяжелое ему вспоминаются не бои, а летнее отступление от Харькова до Сталинграда:

– Жара, пыль, гимнастерки от соли блестят, как рыба чешуя. Тылы сбежали, и у нас ни еды, ни воды. Иногда старушки что-нибудь вынесут, но разве на всех хватит? По дороге увидели пасеку, разобрали ульи, наелись меда, набрали соты. А пить-то еще сильнее хочется. Тут еще вдруг: «Стой!.. Коммунисты, комсомольцы – вперед с оружием...». Оказывается, где-то впереди якобы немцы уже. Спешно выдвигаемся и тут видим маленькое озерцо, скорее даже болотце. Сразу не до немец стало. Все как безумные кинулись к озерцу. Хорошо, я успел напиться до того, как воду взбаламутили...

Владимир Титович вдруг осекся, будто в горле у него пересохло, как тогда, летом сорок второго. Потом произнес:

– Об этом у Некрасова, у Виктора, есть, прочитайте. Там про наше отступление – ну буквально, как было...

* * *

Я пришел домой, открыл «В окопах Сталинграда». Мне приходилось читать эту повесть и раньше, но тут впервые воспринял ее как документ. Все так и есть:

и про раскаленную цимлянскую степь, и про неразбериху в отступающих частях, и даже про эти пчелиные соты, которые грызли по дороге обессилевшие солдаты.

А сколько еще деталей, которые невозможно сочинить, будь ты хоть Лев Толстой. Это надо пережить. «В двенадцать, тихо погромыхая котелками, уходит в сторону Петропавловки последняя рота нашего полка...». В одной фразе: время, место, название подразделения. А еще – характеристика звука от котелков на марше. Несведущему читателю эта характеристика может показаться странной: ну как можно тихо погромыхать? Но тот, кто служил, тут же вспомнит, что котелки погромыхивают именно тихо, потому как не друг о друга постукивают на ходу, а об амуницию, фляги, пряжки, приклады...

Детали у Некрасова – это как рассыпавшаяся по ладони махорка. С виду просто крошки. Но, аккуратно собранные, сжатые вместе, туго завернутые, – они начинают теплиться. В начале повести он пишет: «Есть детали, которые запоминаются на всю жизнь. И не только запоминаются. Маленькие, как будто незначительные, они въедаются, впитываются как-то в тебя, начинают прорастать, вырастают во что-то большее..., вбирают в себя всю сущность происходящего... Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки, и к губе его прилип окурок. Маленький, еще дымившийся окурок. И это было страшней всего, что я видел до и после на войне...».

* * *

Вскоре после публикации (журнал «Знамя», номера 8–10 за 1946 год) повесть «В окопах Сталинграда» получает Сталинскую премию, но ни тогда, ни сегодня никто не найдет в повести Некрасова ни одного слова фальши. «Вождь народов» упоминается в повести три раза – как обиходная примета времени.

В Сталинграде солдаты чувствовали себя не под вождями, а под Богом. Где-то неподалеку от Некрасова воевал рядовой ракетного дивизиона Глеб Каледа, будущий геолог, доктор наук и тайный священник. (Он, к слову, служил, уже как священник, в Знаменском храме в Ховрине). Его записки, воспоминания о Сталинграде – это прямая перекличка с Некрасовым, солдатское приложение к его «Окопам».

Бог ты мой, как трудно быть русским писателем...

Виктор Некрасов

Было бы очень верно издать их вместе, в одной книге.

Из «Записок рядового» протоиерея Глеба Каледы: «Степь да степь кругом. И звезды где-то, вероятно, сияют в небесах. А у нас небо исполосовано трассирующими пулями и снарядами, изгажено осветительными ракетами. Ночной тишины нет; со всех сторон слышна стрельба, взрывы снарядов, гул моторов. Нас прижимают к Дону, клещами затягивают в мешок. Идем по степи маленькой группкой, которая постепенно растет отбившимися от своих частей. Во главе ее два лейтенанта. Идем, вслушиваясь в звуки и шорохи этой свистящей и грохочущей ночи...»

В эту ночь пропадает ощущение времени. Часы и секунды обрели равную значимость, ибо жизнь здесь слилась со смертью.

Агония на правом берегу Дона окончена. Кто убит, кто попал в плен, а кто вышел из клещей и окружения. Мы между Доном и Волгой. Густая звездная ночь. Недвижны в балке листья тополей...».

В окопах не бывает атеистов – сейчас эта истина кажется чуть ли не банальной. Но чтобы открыто утверждать ее в 1946 году и рассказать, как жители Сталинграда молились Пресвятой Богородице, а наших бойцов в ночном бою вела за собой Вифлеемская звезда, – для этого мало таланта. Тут нужно иметь бесстрашие, независимый ум и чистую душу.

Из повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда»: «Взяли все-таки сопку... Вифлеемская звезда сейчас уже над самой головой. Зеленоватая, немигающая, как глаз кошачий. Привела и стала. Вот здесь – и никуда больше...».

* * *

Виктор Некрасов начал писать свою книгу в госпитале на исходе войны. Врач тогда сказал ему, что лучший способ разработать раненую правую руку – это развивать мелкую моторику. Например, рисовать или писать. И Некрасов с удовольствием рисовал (архитектор по первому образованию!) и писал. Из его рисунков той поры ничего не сохранилось. А написал он тогда «В окопах Сталинграда». На одном дыхании, без черновиков. Получилась книга трагическая, как сводки Информбюро в начале войны, лирическая, как дневник, и лихая, как «Три мушкетера».

Кинорежиссер Евгений Лунгин (Некрасов был близким другом этой семьи) рассказывал мне: «Эта книга очень похожа на самого Виктора Платоновича. Я прочитал “В окопах Сталинграда”, когда мне было лет четырнадцать, – сразу после того, как мы проводили Некрасова в эмиграцию. Мои родители так горевали после его отъезда, что по вечерам мы стали вслух читать эту повесть – то мама, то отец, то я... “Приказ об отступлении приходит совершенно неожиданно...”. Я до сих пор почему-то эту фразу помню... В моей комнате с детства висел рисунок “Три мушкетера”, сделанный Некрасовым цветными карандашами. Я вырос с этим рисунком. Он и сам был в моих глазах мушкетером. Представьте себе постаревшего Д’Артаньяна – вот таким был Некрасов. О нем можно было сказать: вот этот человек – само благородство...».

* * *

После «В окопах Сталинграда» Некрасов написал еще немало замечательных книг, но он все время возвращался к своей первой повести. Много писал будто бы вдогонку ей, уточняя и разворачивая то, что упоминается мимоходом или вовсе не упоминается. Так, к зарубежному изданию «В окопах Сталинграда» он написал такое предисловие, которое кажется забытой и вот вдруг обнаруженной первой главой книги.

«Пройдя пешком от Ростова до Волги, запасной наш саперный батальон обосновался в захудалой деревушке Пичуга на крутом берегу и стал долбить колхозными лопатами насквозь промерзший грунт. Никто из нас, командиров, в глаза не видал живой мины, детонатора, взрывателя, бикфордова шнура. О толе (тринитротолуоле) знали только, что он похож на мыло, а динамит – на желе. Оружия не было. Стрелять не умели. За всю зиму каждый солдат на стрельбище делал по одному выстрелу – патронов и на фронте-то было в обрез. К весне 42-го года рядовой состав

был отправлен в Крым, где и сложил свои кости, а комсостав – полковыми инженерами в действующую армию, в район Донца. Оружия по-прежнему не было. Из станицы Серафимович наш стрелковый полк выступил с палками вместо винтовок на плечах. Полковая артиллерия – бревна на колесах от подвод. Во всем полку только две учебные винтовки – их торжественно несли два ассистента по бокам знамени, святыни полка. Мы бодро, “с места песню!”, рубанули шаг, и бабы зарыдали: “Родимые вы наши, с палками-то на немцев!...”».

Как горько, что эти строки, полные не декларативной, а глубинной, подлинной любви к родине, Виктор Некрасов писал, будучи изгнанником. Каково ему было стать эмигрантом в шестьдесят три года... Да, Франция не была ему совсем чужой, он провел в ней свое раннее детство – его мать окончила медицинский факультет Лозаннского университета и в начале Первой мировой войны работала в парижском госпитале. Но вовсе не в сомнительном статусе диссидента капитану Некрасову мечталось там оказаться, а в качестве гражданина великой и свободной страны, победившей фашизм.

Рассказывает Евгений Лунгин: «Все его поступки и заявления были открытыми, он никогда не прятался, не писал анонимно, не прикрывался псевдонимами. В партию вступил в разгар самых страшных боев в Сталинграде. Как сказал его друг-фронтовик: тогда это было равнозначно вступлению в смертники. И вот бывшие тыловики и штабисты, а то и люди, вовсе не нюхавшие пороха, запросто исключили его из партии. У него забрали даже медаль “За оборону Сталинграда”, которой он дожил больше всех остальных наград, а их было немало. Правда, потом вернули. Очень сильное испытание. Бесследно оно не прошло...».

В протоколе обыска было 60 страниц. Унесли семь мешков книг, в том числе все альбомы по искусству. Забрали пишущую машинку и фотоаппарат. 5 марта 1974 года Виктор Некрасов написал открытое письмо Л.И. Брежневу: «...Пусть лучше уж читатель обойдется без моих книг, он поймет, почему их не видно. Он, читатель, ждет. Но не пaskвилей, не клеветы, он ждет правды. Я никогда не унижу своего читателя ложью. Мой читатель знает, что я писал иногда лучше, иногда хуже, но, говоря словами Твардовского, “случалось, врал для смеха, никогда не лгал для лжи...”».

Вместо ответа Некрасова выдворили. Сказали: «Не хочешь на Запад – поедешь на Восток...».

* * *

Сталинград ему снился и во Франции. Виктор Платонович даже рассказ написал под названием «Мамаев курган на бульваре Сен-Жермен». В прогулках по Парижу он скупал у букинистов французские и немецкие газеты военного времени – те, где попадалось что-то о Сталинграде. Находил в них аэрофотоснимки, разглядывал их с лупой, и ему казалось, что он видит свой блиндаж, где он прожил сорок два дня. Когда во Франции ему удалось издать свое избранное, он назвал эту книгу «Сталинград» и открыл ее снимком: «В. Некрасов на Мамаевом кургане. 1973 год».

До последнего дня переписывался со своим бывшим ординарцем Михаилом Ивановичем Валеговым (в «Окопах Сталинграда» он просто Валега), посылал ему на Алтай, на станцию Бурла, календари, подарки... Валегов благодарно откликнулся: «Дорогой и любящий друг Виктор Платонович!...».

Писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев, встречавшийся с Некрасовым в Париже, вспоминал, что самым тяжелым днем за границей для того было 9 мая. «В этот день он бродил по Парижу в безуспешных поисках хотя бы одного русского, который бы воевал, чтобы с ним, а не одному выпить рюмку водки...».

И все-таки он считал себя счастливым человеком: «Нет, все сложилось так, как и должно было сложиться. Ни на что не сетую, ни на что не жалею. Ну, какое я имею право жаловаться, если, отрубив весь Сталинград от первого до последнего дня, остался жив? И дошел до самой Польши, и вернулся в родной Киев, и обнял маму...».

Виктор Платонович Некрасов умер в Париже 3 сентября 1987 года. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

* * *

В Волгограде память об авторе «В окопах Сталинграда» до сих пор никак не увековечена. Остается надеяться, что в год 70-летия окончания Сталинградской битвы о Викторе Некрасове наконец-то вспомнят в городе, который он защищал. Быть может, назовут его именем улицу где-нибудь в районе «Красного Октября» или Метиза. Или присвоят его имя библиотеке на Тракторном или теплоходу на Волге...

Тут надо вспомнить, что первый памятник павшим был поставлен в Сталинграде по эскизу старшего лейтенанта Некрасова. Это было сразу после окончания боев, памятник был деревянный, и краску с него быстро смыли дожди.

Виктор Некрасов

Мамаев курган на бульваре Сен-Жермен

Начало – более чем идиллическое. Весна. Апрель. Первое после дождей запоздалое солнышко. Зеленое кружево платанов на бульваре Сен-Жермен. Парижане высыпали на улицу, расселись за столиками кафе. Что-то потягивают. Среди них и я. Греюсь. Тяну пиво. Разглядываю прохожих.

Друзья из родных краев, кое-кто и осуждает. Развалился, мол, на соломенном стульчике, покуривает. В Москве за такую кружку пива битву выдержать надо, настоявшись в очереди, если удастся где-то на окраине бочку обнаружить. А потом – никакой тебе не стульчик, а отходи в сторонку, сдувай пену, ругай себя, что сразу две не взял.

И мне чуть-чуть совестно. И все же сижу себе и посасываю, покуриваю, млею на солнце.

Происходит это в кафе «Аполлинер», в двух шагах от древней колокольни Сен-Жермен-де-Прэ, когда-то, в мушкетерские времена, большого монастыря, от которого сохранилась только церковь. Я люблю это кафе не только потому, что оно носит имя любимого французского поэта – его маленький и очень некрасивый бюстик, изваянный Пикассо, стоит в скверике возле церкви. Люблю еще и потому, что на противоположной стороне бульвара стоит милый моему сердцу дом под номером 137. Гранитный его фасад с пилястрами словно перенесен из Ленинграда, с Каменно-островского проспекта, ныне Кировского. Таких там много, с красно-коричневыми каменными фасадами, такими же пилястрами, гирляндами, женскими головами. Начало века, первые работы прославившихся потом Щуко, Белогруда, Лидваля.

Такой, лидвалевский, дом чудом сохранился и на Крещатике. На первом этаже контора АПН, которую «держал» всеобщий любимец Сева Ведин, «хозяин Крещатика», как звали его друзья. Там всегда можно было застать и их и побаловаться рюмочкой-другой, отведать селедочки – рядом магазин «Рыба», куда Сева, как свой, заходил со двора. Вот и его, приветливо улыбающегося, с вечной шуткой на устах, увы, покойного, вспоминаю, сидя за мраморным столиком, покуривая, вздыхая...

Весна... Пожилой небритый садовник меняет круглые решетки у молоденького, недавно посаженного платанчика. Работает старательно, что-то прилаживает, как будто не для фланирующих бездельников, а для самого себя. Что-то не получается, потащил тяжеленный сегмент решетки через улицу, лавируя между машин. Приволок другую. Бросил на землю. Я не отрываю

Парижские зарисовки В. Некрасова

от него глаз, поражен добросовестностью. Обеденный час, парижане жуют свои салаты, запивают панаше, а он все трудится. Опять куда-то ушел. Вернулся...

Приволок откуда-то – и я обомлел – кирко-мотыгу! Стал землю разрыхлять.

Кирко-мотыга... Милая, дорогая, сколько же лет я тебя не видел? Тридцать, сорок? А если не поленишься, подсчитать, то сорок четыре, со времен Сталинграда.

Не было в Сталинграде ничего более ценного, чем она. Не автомат, не диск, не патроны, не даже ушанка, валенки или заячьи рукавицы, а именно они – лопата, топор и кирко-мотыга – бесхитрое счастье сапера. Их воровали друг у друга, за ними охотились, хранили как нечто самое дорогое.

Саперную большую или малую лопату знали больше по картинкам из наставления по инженерному делу – их было только две на всю дивизию – в штабдиве, и чудом, у меня, полкового инженера 1047 полка. Как я ее раздобыл – умолчу.

Главное дело полковых саперов – землянки, блиндажи. Дела посерьезнее – минные поля, проволочные заграждения, это уж обязанность дивизионных саперов. Впрочем, кроме спирали Бруно, ни одного классического проволочного заграждения на кольях я ни разу за всю войну не видел. Даже у немцев, таких аккуратистов.

Землянок же и блиндажей нарыли мои саперы за зиму и не подсчитаешь. И в крутом волжском берегу, в виде штолен, обложенных бревнами, и полегче, в откосах оврагов, в один, иногда в два наката, в зависимости от каприза начальства.

Топоры были на особом счету. Лопаты в основном колхозные, непрочные, ломкие, ржавые, с левого берега. Настоящая, большая, саперная, с удобной, длинной, гладкой, без заусенец ручкой, с крепким стальным полукруглым, чуть изогнутым лезвием как некий раритет – кстати, она была немецкой, трофейной – хранилась в углу нашего с командиром взвода блиндажа и выдавалась только для особо важных заданий, под расписку – головой отвечаешь.

А вот с кирко-мотыгами происходило всегда что-то непонятное. Они то появлялись, то исчезали, и вечно из-за них происходили скандалы.

Один из них до сих пор в памяти, как будто вчера произошел. Утром того дня командир взвода Кучин – ловкий, хитрый пройдоха – раздобыл для нас аж пять кирко-мотыг. Это было великим событием. Как всегда, разведчики пронюхали, где и когда разгружается катер «Ласточка» с инженерным имуществом, и Кучин оказался там первым. Набрал противопехотных мин, спирали Бруно, но главное – пять кирко-мотыг. Подарок!

Штолен, как в первые дни обороны, мы уже не рыли, нас перебросили в овраг Долгий, но грунт был мерзлый, колхозные лопаты ломались. Кучин сиял.

К вечеру еще один подарок – пополнение. И тоже он оказался первым, отобрал ребят пожилистей. Среди них запомнился мальчонка Федя, фамилию забыл. Совсем молоденький, розовощекий, похожий на девочку. Но работник, землепок оказался на диво – неутомимый и безропотный.

Взвод наш к тому времени – стоял январь, морозный, скрипучий, последний месяц сталинградской войны – малость поредел. Пополнение, пять человек, было в самый раз. Стало нас двенадцать – давно такого не было.

Вечером Кучин выстроил новичков перед землянкой. Их приодели, выдали телогрейки, стеганые штаны, валенки, меховые ушанки. Вид стал вполне боевой. Кучин, заложив руки за спину, ходил важный взад-вперед, читал нотацию:

– Бойцы Красной Армии, а вы сейчас бойцы не какой-нибудь, а прославленной 62-й армии, которая насмерть стоит на этом берегу Волги, должны помнить с утра до вечера, и ночью тоже, что вверенное вам имущество священо. Это государственное имущество, и беречь его вы должны, как собственную голову. Выдается вам сейчас каждому по кирко-мотыге. И расставаться с ней вы не имеете права никогда. Кто потеряет, лучше на глаза мне не показывайся. Убью. На месте. И домой отпишу, стари-

ЧТО ЧИТАТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

«В окопах Сталинграда». Повесть. М., 1995

«Маленькая печальная повесть». Проза разных лет. М., 1990

«Написано карандашом». Повести, рассказы, путевые заметки. Киев, 1990

«По обе стороны океана. Записки зеваки. Саперлиполет». М., 1991

«В родном городе». Повесть. М., 1954

«Первое знакомство». М., 1958

«Кира Георгиевна». М., 1961

«Вторая ночь». Рассказы. М., 1965

«Месяц во Франции». М., 1965

«Путешествия в разных измерениях». М., 1967

кам, что не оправдал надежд сын ваш. Погиб бесславно. Ясно? Вопросы есть? Нет? Получайте по инструменту и берегите, как невесту ненаглядную. А теперь – кругом, шагом марш в расположение.

Насмерть перепуганные мальчишки затопали, крепко вцепившись в рукоятки своих «невест».

Прошло какое-то время, недели две, пожалуй. Сидим мы как-то с командиром пешей разведки Ванькой Фищенко, пьем. В последние дни на передовой стало совсем тихо, заданий новых нет, все нужные НП для командира полка сделаны, можно и расслабиться. Расслабляемся.

Вдруг в дверях появляется усатый помкомзвода Казаковцев. Встревоженный.

– ЧП, товарищ начинж. Лейтенант Кучин просит вас в расположение срочно прийти.

Иду. Фищенко тоже пошел. В землянке саперов накурено, не продохнуть. Кучин, красный, злой, сидит в кресле – раздобыли солдаты где-то в руинах барское, с гнутыми ножками, очень им гордились. Бойцы вдоль стен, на корточках. Посередине стоит весь белый, никакого румянца, руки по швам, тот самый, похожий на девочку солдат Федя. Моргает глазами.

– Поглядите, товарищ капитан, – прохрипел Кучин. – Видали разгильдяя? Мало сказать разгильдяй, преступник. Киркомотыгу потерял! В боевых условиях, когда враг не дремлет, государственное имущество не уберег. Хорош боец? Ну что с ним делать, а, товарищ капитан? В штрафной что ли послать?

Бедный Федя стоит ни жив ни мертв, слова выдавить из себя не может.

– Как это произошло? – спросил я, чтобы что-то спросить.

– Не знаю, товарищ капитан, – заикаясь, начал Федя. – Сам не знаю. Никогда с ней не расставался, ни днем, ни ночью, ни на минуту. – Смотрит на меня круглыми, испуганными глазами. – А вчера после задания пришел, НП для артиллеристов кончались, завалился, а ее под голову положил, а утром, хват, нету...

– Вот так вот нету? – перебил Кучин.

– Нету...

– Украли, что ли? Товарищи твои? Можешь указать? Или так, растаяла сама по себе?

Федя молчит, еще больше побелел.

– Так вот, товарищ боец, – изрек Кучин. – Товарищ капитан, я думаю, того же мнения. Если к утру не найдешь инструмент, пеняй на себя, кара будет такая, что и во сне тебе не снилась. Правильно я говорю, товарищ капитан?

Мне жалко было парнишку, никогда никаких замечаний не имел, но на фронте железный закон: потерял – найди, другого выхода нет. Я молча кивнул головой.

– Понятно тебе, а? – заключил Кучин. – Кровь из носу, но чтоб утром явился с инструментом. Иначе... Выполняйте, товарищ боец!

Федя стоял недвижимо, и вдруг по щекам его потекли слезы. Большие, детские, одна за другой. Потом повернулся рывком и в дверь.

Когда мы с Фищенко возвращались ко мне, не доходя до землянки, он вдруг остановился.

– Не нравится мне что-то это. Иди к себе, капитан, а я через минуту... – и побежал в сторону Волги.

Минут через двадцать ввалились оба. Федя весь мокрый, с головы до ног. Дрожит. Зуб на зуб не попадает.

– Видал? – Чубатый Фищенко ткнул в него пальцем. – Топиться пошел. Я точно почувствовал. Поймал его на берегу Волги. Польнюшко нашел. Еле вытащил его оттуда... Ох и герой...

Выдали мы ему полстакана водки. Малость оклемался. Размазывая по щекам слезы, говорит:

– Главное, что он старикам бы написал. Грозился... Ну, как это пережить, как?!

– Ладно, – рассмеялся Фищенко. – Посиди, погрейся, потом со мной пойдешь. Помогу я твоему горю. Чтоб навек запомнил, что такое разведчики. Ну, давай еще по одной.

Утром, ни свет ни заря, явился сияющий Федя. На щеках опять румянец. В руках «бесценное государственное имущество».

А где-то в это же время, в другом полку, другой комзвода распекал своего такого же Федю, грозился штрафным батальоном. Пошел ли тот топиться? Этого мы не знаем.

В конце февраля, бои давно уже закончились, наш полк грузился на машины – нас вроде отправляли в тыл, отдыхать. Отдыха не получилось, оказались мы на Украине, но в тот солнечный февральский день все были веселы. У подножия Мамаева Кургана стояли разбомбленные железнодорожные составы. Один с солью, другой почему-то с синькой. Бойцы старательно нагружались и тем и другим. На Украине затем это превращалось в сало, сметану, а то и в самогон.

Проверяя, что взято, что забыто, мы с Кучиным шли вдоль машин.

– Глянь-ка туда, – ткнул меня в бок Кучин. – Видал героя?

В одном из могучих «студеров» сидел наш Федя, и за спиной его болталось, как винтовка, то самое «государственное имущество» – заветная кирко-мотыга.

– Я же велел, дурень, помкомзвода ее сдать. Под расписку. Чего ж ты?

Федя улыбнулся во весь рот.

– Нет, ученый я теперь. Никаких расписок... Так вернее...

Много лет спустя, в Киеве, мы с Фищенко вспоминали иногда нашего несостоявшегося утопленника.

Где он, как он, не знаю. Если жив, демобилизовался, не расстался, думаю, со своей «невестой», кирко-мотыгой, долбаёт землю у себя в огороде.

Вот что вспомнилось мне в тот весенний день на бульваре Сен-Жермен, у кафе «Аполлинер». А ведь думал, что никогда уже о войне писать не буду. И еще подумалось мне. Ведь Феде сейчас столько же, сколько этому небритому садовнику. Один где-то у себя в Сибири, другой – в Париже, а кирко-мотыга вроде одна и та же.

Париж, 1987

Могила В.П. Некрасова на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа

Наталья Лайдинен

Пора осознавать себя народом!

Иван Иванович Жук – человек необычный. При встрече с ним меня поразили его глаза – очень чуткие, светлые, ясные. И суждения – глубокие, опирающиеся на прекрасное владение литературным и художественным материалом. Этот человек с окладистой бородой – сценарист, публицист, фотограф и художник. А трудится в просфоре Свято-Данилова монастыря.

Увидеть такие лица в суетливой столичной толпе сегодня – большая редкость. А Иван Иванович, можно сказать, живет среди них. Стены его рабочего места – просфорни – увешаны фотоработами мастера. Его герои сродни личности самого автора – такие же цельные, простые и чистые. Алтарники и монахи, прихожане, дети, мастера, трудники, батюшки. За работой, трапезой, молитвой. Словно озаренные внутренним светом, особенно поражают образы старцев. Кажется, нет границы между автором и зрителем, нет фотокамеры между автором и героем. Важна каждая деталь – выражение глаз, морщины, линия скул, абрис подбородка. И видишь: есть в России люди, для которых дух есть содержание их жизни, которые любят Россию и молятся о ней. А пейзажи – другая линия творчества – лишь усиливают эти ощущения.

Иван Жук – уроженец Украины, окончил пять курсов Сумского политехнического института. Бросил преддипломную практику, потому что понял, что творчество для него важнее всего. С пятнадцати лет занимается фотографией, в юности больше всего любил жанр портрета. Увлекался театром и кино. Писать начал, работая сторожем на спортивной базе, учился (недолго) в Киевском театральном институте, наконец поступил во ВГИК, в мастерскую Н.Н. Фигуровского.

Его бабушка Дарья была человеком верующим, в детстве старалась приобщить внука к православной культуре и к Церкви Божией. «Передовая» мама этому противилась, запретила причащать Ванюшу и на долгие годы вырвала сына из рук «тлетворно влияющей на него старушки». Но в глубине Ванечкиной души навсегда сохранились и вкус просфор, и любовь к церковному пению, что всегда поддерживало

будущего творца в его неизбежных отступлениях от «правильной христианской жизни». К моменту начала учебы во ВГИКе у него даже сложилась собственная мировоззренческая концепция, основанная на знании Евангелия, религиозно-философской литературы и трудов русских писателей.

Из ВГИКа Жука отчислили за нарушение комсомольской дисциплины, и молодой человек прошел все круги мытарств, связанных с отсутствием московской прописки. Правда, в перестройку Ивана в вузе восстановили, так что мечта о получении высшего образования сбылась, хотя и не сразу.

Еще студентом ВГИКа Иван Жук познакомился с человеком, сыгравшим важную роль в его жизни. Александр (дядя Алик), правда, только становился на путь веры, но уже тогда в их с женой комнате в коммуналке собирались интересные люди, близкие к православным кругам: наставник Александра о. Артемий Владимиров, о. Геннадий Огрызков, о. Олег Стеняев, о. Михаил Дудко. Там же общими усилиями перепечатывали и готовили к распространению духовную литературу. С 1983 года Александр начал работать в просфоре Свято-Данилова монастыря, а через некоторое время пригласил туда и друга. И вот уже двадцатый год Иван Иванович печет святой хлеб. Но продолжает заниматься и творчеством, сотрудничает с разными изданиями, фотографирует, пишет сценарии и пьесы, четырежды побеждал на Всероссийских православных конкурсах киносценариев.

– Иван Иванович, что такое для вас творчество?

– Русский писатель просто обязан, пусть на духовном уровне, пережить и переварить все то, о чем он рассказывает в своих произведениях. Вспомните Достоевского, Толстого. Даже наши

И.И. Жук.

Фото Константина Тыртова

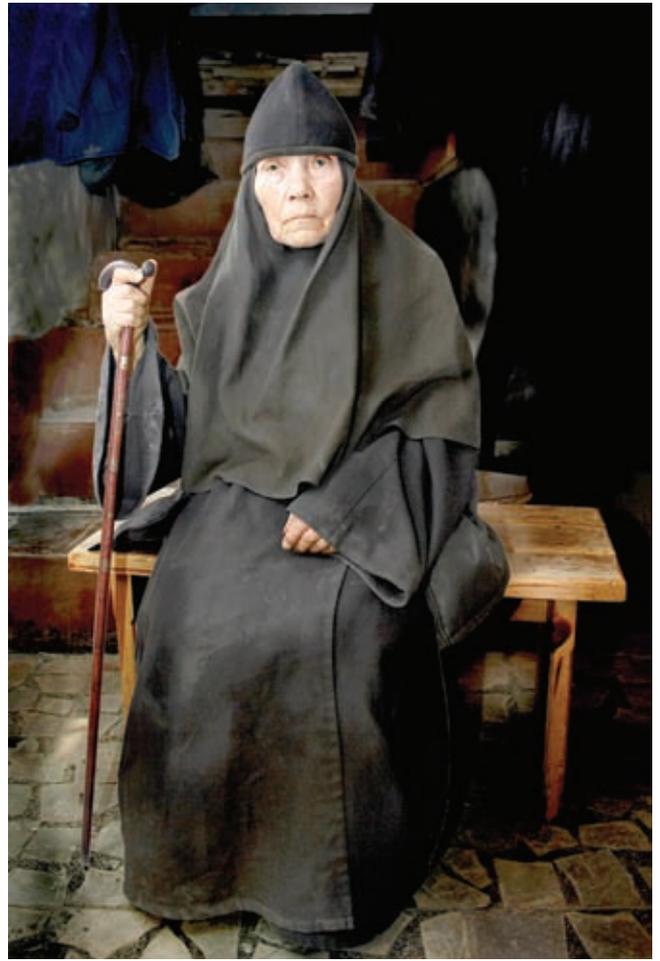
современники – Сорокин, Пелевин – тоже пишут о том, чем они живут. Другой вопрос, что последние, назовем их постмодернисты, – осознанно выбирают путь саморазрушения личности в лоне так называемой либеральной демократии. Но выдают этот их лично избранный ими путь с чисто русской любовью к тотальному постижению истины как последнюю «правду-матку» о человеке. Я стараюсь жить и творить в рамках православия. У любого человека есть личный выбор свободы для распада или свободы для созидания.

– А готовы ли сегодня читатели, зрители к восприятию творчества созидания? Ведь с телеэкрана нам транслируют порой совершенно иные ценности.

– Современное телевидение увлеченно пропагандирует концепцию сегодняшней жизни, ее систему ценностей. Проповедь вседозволенности и возведение в норму греха и скверны становятся магистральной линией развития так называемого «цивилизованного общества». В общественное сознание буквально вколачивается культ свободы без границ и рамок. Тогда как любая традиционная религия и основанная на ее догматах культура любой страны мира всегда существовала в ясных границах добра и зла, имела свою строго хранимую иерархию духовных ценностей. Разрушь или изврати эту

Даша

Монахиня Саломия

Русский народ

Плотник Вадим

Двое

Море житейское

Просфорники. Дядя Алик с сыновьями

систему ценностей – и народ из единого целого превратится в ничего не значащую социально взвесь. Именно этого – превращения всех в ничего не значащую орду, которая, вне понятий добра и зла, будет метаться по миру в поисках «достойной» жизни и наслаждений, – и добиваются апологеты либерального глобализма. Во всем мире идет война с Богом, и Россия вновь в центре этой войны.

– Как бы вы определили современное состояние нашего общества?

– А вы сами не видите? Как известно из русской народной поговорки, «идушая в погибель душа ищет себе попутчиков». Вот и нас, русских, в который уж раз за нашу историю всеми правдами и неправдами тоже пытаются втянуть в эту постмодернистскую игру на понижение. Но выход есть у каждого человека, он – в возвращении к изначальным ценностям, к Богу.

– Сегодня народ вроде бы перестает безмолвствовать, начались митинги, стихийные выражения народного мнения. Вы считаете это правильным?

– Я считаю, что народ поставили в условия безальтернативного выбора, как бы парадоксально это ни звучало. Одинаково тупиковы и позиция нынешней власти, и протест Болотной площади. Проблема в том, что современный человек хочет преимущественно ничего не делать, хорошо жить и ни за что не отвечать. Митингами проблему не решить. Каждый человек должен начать с себя, осознать заново, что такое быть Человеком. Иначе Россию ждет настоящее рассеяние. Каждый на своем месте должен начинать что-то делать: к примеру, мы, группа православных литераторов, издаем на свои деньги (после официального закрытия из-за публикации острых материалов) журнал «Братина», пишем статьи в Интернете на сайте «Русский сход» об истинном положении дел в России, вызываем читателя и зрителя на откровенный разговор. Ежедневно в монастыре пастыри общаются с людьми. По всей стране при храмах должны создаваться общины, рабочие коллективы. Человеку нужно вспомнить о том, что жизнь не есть сидение перед телевизором! Думающим, активным людям пора

объединяться, начинать оздоровительный процесс на всех уровнях. Только так можно положить конец разложению общества.

– На ваш взгляд, люди в нашей стране осознают себя народом или нет?

– Такое чувство, что каждый второй россиянин думает, что народ – это где-то там, в другом месте, а он – лишь «отстой» на пиру новых русских и олигархов. На самом деле народ – это мы с вами, все, кто живет сегодня в России, а не те триста человек, что управляют телевидением. И жизнь – не по ту сторону экрана, где люди развлекаются, поют, обнажают всю свою подноготную перед камерой и демонстрируют себя в качестве суперличностей. Жизнь, она – здесь, в каждом из нас, как в «новых», так, безусловно, – и в «старых» русских. Сегодняшнее время мне очень напоминает библейскую историю о строительстве Вавилонской башни, когда люди стремятся установить свой закон вместо божественного и поменять данное Богом имя *Человек* на нечто из ряда вон выходящее. Хотелось бы достучаться до сильных мира сего – они ведь тоже люди! – ну сколько же можно говорить одно, делать другое, больше заботиться об электронном электорате, чем о реально и повсеместно вымирающем народе русском!

– Ваши выставки с большим успехом проходили не только в России, но в Италии, Голландии, Германии. Какой посыл вы несете вашими визуальными образами?

– Посылов у меня два. Для русских людей – подбодрить отчаявшихся, вселить веру в обезверившихся в себя, показать, что у нас в стране существует духовная жизнь, настоящие люди – носители подлинных ценностей. Для иностранцев – через свои фотоработы я пытаюсь донести весть о настоящей, не добитой еще России, стараюсь им показать, что Россия совсем не такая, какой ее представляют на всеобщее обозрение либерально-демократические СМИ вкупе с пятой колонной сторонников глобализма. И иностранцы, прошу заметить, действительно отмечают и глубокое достоинство русского человека, и его

культурную неповторимость, и традиционный, подлинный, глубинный покой православно верующих подвижников. Поэтому, побывав на выставках, многие из них вновь начинают уважать нашу страну, наш народ и с надеждой и доверием начинают смотреть в сторону России.

– Меня очень удивил ваш фотоколлаж «Пришелец». Что вы хотели выразить этой работой?

– Я сейчас внутренне перехожу некоторые границы жанра фотографии. Вместе с замечательным специалистом по компьютерной графике Игорем Тыртовым – он лет семь, до самого выхода на пенсию, трудился бок о бок со мной в просфорне – мы начали делать нарочито мировоззренческие фотоколлажи. В этой работе я показываю, что пока Москва и ее обитатели живут обычной жизнью, рядом, между храмом Василия Блаженного и Кремлем, уже возник, высотой с пятиэтажный дом, шагнувший из пространства Святой Руси Человек – Юродивый. Люди пока его не видят, разговаривают, смеются, обмениваются спортивными или политическими новостями, а между тем пришелец из вечности уже готов – если, конечно, мы этого пожелаем и приложим к тому максимум усилий, – помочь нам снова собраться в один большой Русский народ, как я и показываю в другой работе.

Время духовного обновления неизбежно. Россия, я верю, придет в себя и еще поможет другим выйти из духовного кризиса и двинуться по направлению к Богу.

ОКРЕПЫ

Живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной – и все будет хорошо.

*Преподобный
Исаакий Оптинский*

Ирина Монахова

«Все события – Божьи слова к нам» Из истории душеполезной переписки Н.В. Гоголя

Нательный крест Н.В. Гоголя

Кроме того, множество мудрых мыслей о жизни человека-христианина и его пути к Богу, о воспитании души и любви к ближнему содержится в письмах Гоголя. В них Николай Васильевич обращался к своим близким людям – родственникам и друзьям, стремясь помочь им в преодолении различных жизненных трудностей. Какие это были трудности, от чего страдали адресаты Гоголя? Это были «вечные» проблемы, сопровождающие людей во все времена, – болезни, сложные отношения с окружающими, нелегкий выбор жизненного пути, нужда, неприятности по службе, сплетни и наветы, уныние от неудач, беспокойство о детях, страх перед неясным будущим, потеря близких людей, гордость и душевная черствость, маловерие, владеющие душой страсти, одиночество, усталость и т.д.

Для некоторых своих друзей и родственников он стал как будто духовником – так внимательно он относился к их проблемам и всегда находил душевные, целительные слова, способные утешить, ободрить, придать жизненные силы. В письмах он детально рассматривал конкретные сложные ситуации и давал советы, основанные на собственном опыте и глубоких размышлениях. Иногда он пронзительно видел в жизни близких людей те опасности, которых они и сами еще не замечали, и предупреждал о них. Главными среди таких опасностей он считал душевную лень, маловерие, уныние, праздность. Человек иногда и не ощущает в себе эти недостатки, но они, развиваясь, могут в дальнейшем приводить к настоящим

Николай Васильевич Гоголь, автор всем известных художественных произведений, проявил себя и как духовный писатель, религиозный мыслитель. Он написал несколько сочинений на духовно-нравственную тему. Это «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной Литургии», «Авторская исповедь», «Правила».

трагедиям. Поэтому во многих советах и размышлениях Гоголя содержатся самые дорогие для него идеи – о том, что нужно всегда бодрствовать душой, не жалеть усилий на добрые дела, не обольщаться своими успехами, постоянно находить в себе новые недостатки и бороться с ними. Ведь только таким путем человек может расти духовно. А вот как это сделать в каждом конкретном случае – об этом Гоголь подробно писал каждому своему адресату.

Красной нитью во всех рассуждениях Гоголя на духовные темы проходит мысль о том, что вера в Бога заключается не только в молитвах и соблюдении обрядов, но и в делах. Нужно воплощать заповеди Христовы в жизнь и руководствоваться ими всегда в наших повседневных делах. Нужно «призвать Христа к себе в дома», писал Николай Васильевич.

Сам Гоголь придавал большое значение своим душеполезным письмам. В «Вещании», опубликованном в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», он написал: «Возлагаю <...> обязанность на друзей моих собрать все мои письма, писанные к кому-либо, начиная с конца 1844 года, и, сделавши из них строгий выбор только того, что может доставить какую-нибудь пользу душе, а всё прочее, служащее для пустого развлечения, отвергнувши, издать отдельно книгою»¹.

Своими душеполезными письмами и духовными произведениями Гоголь стремился приблизить жизнь современного ему общества к христианскому идеалу, воспитать в человеке христианина. Для этого им и было написано множество поучительных писем-проповедей. Для этого он решил затем выступить с проповедью, обращенной ко всей стране, то есть с книгой «Выбранные места из переписки с друзьями».

Вот несколько отрывков из истории душеполезной переписки Гоголя с некоторыми из его многочисленных адресатов.

* * *

Из однокашников Гоголя по Нежинской гимназии А.С. Данилевский был, наверное, самым задушевным его другом.

¹ Письма Гоголя на религиозно-нравственную тему собраны в книге «Н.В. Гоголь. Из писем. “Что может доставить пользу душе”» (М., 2006).

Хотя их жизнь складывалась по-разному и они иногда подолгу не виделись, Гоголь неизменно с большим вниманием и участием относился к судьбе Александра Сергеевича, и среди его поучительных писем, в которых затрагиваются духовные темы, есть несколько, адресованных ему:

«Внутреннюю жизнь я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живет своими впечатлениями, когда не идет отведывать уже известной ему жизни, но когда сквозь всё видит одну пристань и берег – Бога и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный Им же ему талант. <...> А внешняя жизнь само собою есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечется без борьбы потоками жизни, когда нет внутри его центра, на который опершись, мог бы он пересилить и самые страдания и горе жизни. <...> Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге».

«Должность твоя недурна. Она может быть скучна, как может быть скучна всякая должность, если за нее мы возьмемся не так, как следует. Вопрос в том: для чего взята нами должность; если взята для себя, она будет скучна, если взята для других, вследствие загоревшегося в душе желания служить другому, а не себе, она не будет скучна. Все наслаждения наши заключены в жертвованиях. Счастье на земли начинается только тогда для человека, когда он, позабыв о себе, начинает жить для других, хотя мы вначале думаем совершенно тому противоположно, вследствие какого-то оптического обмана, который опрокидывает пред нами вверх ногами настоящий смысл. Только тоска да душевная пустота заставляет нас, наконец, ухватиться за ум и догадаться, что мы были в дураках. Почему, например, взявшись за должность, какова у тебя, не положить себе сделать на этом поприще, как бы оно мало ни было, сделать на нем сколько возможно более пользы?»

«Покуда не примиримся мы с мыслью, что жизнь – горечь, а не наслаждение, что все мы здесь поденщики и плату получаем только там за ревностное исполнение своего дела, – до тех пор не обратится нам жизнь в наслаждение, и не почувствуем значенья слов: “Иго Мое благо и бремя Мое легко есть”».

* * *

С М.П. Погодиным – историком, литератором и издателем журналов – Гоголь познакомился в начале 1830-х годов, впервые приехав в Москву. У них было много общих интересов. С самого начала их знакомства и до смерти Гоголя их связывала дружба, несмотря на то, что в их отношениях были периоды разногласий и даже ссор. Письма Гоголя к Погодину более ранних лет содержат как общие размышления, так и конкретные советы. Основная тема их – как построить взаимоотношения с людьми, как уметь строже спрашивать с себя и быть терпимее к другим, – словом, как полюбить ближнего:

«Безграничная привязанность до упоения к чему бы ни было в жизни есть уже несчастье. Так мало знать жизнь, чтобы не помнить, что всякую минуту мы можем лишиться всего, позабыть, что всякую минуту мы должны благодарить за то, что остается нам, жить обманом и стараться вечно обманываться – страшно, просто страшно. Мы ропчем только на утраты и никогда не благодарим за блага, которые даются нам щедро, обильно, но мы замечаем их только в минуту, когда лишаемся их, а до того времени глядим на них, как на что-то должное нам, на что-то непременно принадлежащее нам».

«Я памятлив и уверен сильно в том, что и добро и зло следует помнить вечно. Добро нужно помнить для того, что уже одно воспоминание о нем делает нас лучшими. Зло нужно помнить для того, что с самого того дня, как оно нам причинено, на нас наложен неотразимый долг заплатить за него добром. <...>

Все события, особенно неожиданные и чрезвычайные, суть Божьи слова к нам. Их нужно вопрошать до тех пор, пока не допросишься: что они значат, чего ими требуется от нас? Без этого никогда не сделаемся мы лучшими и совершеннее. <...>

Ты говоришь, что готов снова ругать и любить меня. За первое благодарю тебя душевно, потому что в этом теперь более, нежели когда-либо, слышу надобность, а на второе скажу вот что: любить мы должны всегда, и чем более в человеке дурных сторон и всяких мерзостей, тем, может быть, еще более мы должны его любить. Потому что, если среди множества дурных его качеств находится хотя одно хорошее, тогда за это одно хорошее качество можно ухватиться, как за доску, и спасти всего человека от потопления. Но это можно сделать только одною любовью, любовью, очищенную от всего пристраст-

Церковь в Сорочинцах, в которой был крещен Н.В. Гоголь

ного. Ибо если подлое чувство гнева хотя на время взнесется над этою любовью, то такая любовь уже бессильна и ничего не сделает».

Такие мотивы преобладают в письмах к Погодину не случайно. Действительно, его характер отличался неровностью и противоречивостью: широта души и творческий энтузиазм сочетались порой с черствостью и нетактичностью. Впрочем, размышления и поучения Гоголя, адресованные Погодину, наверное, актуальны для любого человека: вряд ли кто-то может похвастаться тем, что уже достиг совершенства в этом отношении и научился любить ближнего вполне по-христиански. Значит, и нам всем полезно прислушаться к словам Гоголя из этих писем:

«Несчастья суть великие знаки Божией любви. Они ниспосылаются для перелома жизни в человеке, который без них был бы невозможен; ибо природа наша жестка и ей трудно без великого душевного умягченья преобразоваться и принять форму лучшую. И потому после всякого несчастья мы должны строже, чем когда-либо прежде, взглянуть на самих себя. <...>

Слово твое не имело в себе примиряющей середины и потому никогда не производило того, чего ты хотел. Это отсутствие такта было также причиной того, что ты огорчал людей, не думая их огорчить, раздражал, думая примирять. Отсюда произошли все неприятности, в которых обвиняли тебя и в которых душой ты не был виноват. Друг, приобрести этого такта нельзя, как бы ты ни караулил сам за собой и как бы ты ни остерегался. Он получается ранним

воспитанием, сливаясь уже с самого младенчества с нашей природой. Но, к счастью, всем нам есть средство достигнуть до него тем же путем, которым можно достигать до всего.

Путь этот Сам Христос. Кто живет уже по одним Его законам и внес Его во всякое дело своей жизни, большое и малое, – у того само собою выходит прилично. Такой человек хотя бы не знал вовсе никаких условий светских, хотя бы жил до того с зверями, а не с людьми, пустынно и удаленно от всех, но не оскорбит никого, попавшись в соприкосновение с людьми. И даже если бы он попался в самое этикетное общество, на нем всё будет так само собою прилично, что никто не осудит в нем и малейшего движения».

«Мне кажется, что тягостнее всех других страданий страдания, происходящие от взаимных недоумений, а эти страдания теперь

стали решительно повсеместны. Только и слышишь со всех сторон, как расходятся друзья, как люди, созданные затем, чтобы любить друг друга, невозвратно отторгнулись друг от друга. Только и слышишь теперь, как скорбно кричит человек: “Меня не понимают!” О! как страшно теперь произносить суд над каким бы то ни было человеком, не опустившись в самую глубину его души».

«Бог не оставит на дороге заблужденя того, кто Ему молится и от всех сил хочет Ему работать, хоть бы и заставил его лукавый поколесить несколько в сторону. Бог выведет его вновь на дорогу. Это невозможно: молящегося Бог никогда не оставит».

* * *

Выдающийся русский художник А.А. Иванов, главным делом жизни которого была картина «Явление Христа народу», все время работы над этим полотном находился в постоянном, порой мучительном поиске, пытаясь найти наиболее совершенное воплощение своего замысла и сознавая особую ответственность за изображение средствами живописи величайшего момента в истории человечества – первой встречи людей с Мессией. Для Гоголя Иванов был не просто талантливым живописцем, но представлял собой идеал художника, полностью сосредоточенного на своем творении и отказавшегося ради него от многих земных благ.

Гоголь с большим вниманием относился к его работе над этой картиной, давал ему практические советы по созданию некоторых ее персонажей. Например, под влиянием Николая Васильевича был создан

Николай Васильевич Гоголь. Портрет работы А.А. Иванова. 1841 г.

А.А. Иванов. Этуд к картине «Явление Христа народу». Слева – «Ближайший к Христу», написан с Н.В. Гоголя

один из самых заметных в картине образ раба, испытывающего робкую и просто-душную радость при появлении Мессии. Как известно, с Гоголя был написан другой персонаж картины – «ближайший к Христу», который имеет большое портретное сходство с Гоголем. Это видно не только на самой картине, но и на многочисленных этюдах к ней.

В письмах Гоголя к Иванову вначале больше звучат душеполезные обращения к нему как к человеку, которому важно обрести духовную стойкость, противостоящую всем жизненным неурядицам:

«Не беспокойтесь ни о чем, и Боже вас сохрани предаться какому-нибудь унынию. В жизни нашей много бед, но все они даются нам как временное испытание, и верьте, что мы никогда не можем знать вначале, какое благодетельное следствие принесет нам то, что нам казалось жестоким несчастьем».

«Путей есть множество выйти из всякого положения, как бы затруднительно оно нам ни казалось. Если бы ваше положение было в двадцать раз хуже, то и тогда не следует смущаться. <...> Будьте ясны и тверды душою. Твердый и не потерявшийся человек всегда выигрывает: его взгляд не отуманен, и он сам увидит исходы из всякого лабиринта. Нужно иметь также веру в небесную силу, которая всегда сходит от Бога твердому и уповающему человеку. Исполняя этой силы, вы плюнете на то, что человек называет препятствием. <...> Будьте веселы и светлы духом и сохраните вечно в себе великую истину, которую я вам сейчас скажу: препятствия суть наши крылья. Они нам да-

ются для того, чтобы сделать нас сильнее и ближе к цели. Это вам говорит человек, изведавший сие по опыту».

«Кто Богу молится, тот всё, к нему приходящее, приемлет, как бы приходящее от Самого Бога, и во всех словах, к нему обращенных, ищет указания Божия и находит его. Кто Богу молится, тот не только не опечалится от жестких слов и упреков, которыми бы стали осыпать его, но еще ищет их (хотя бы они были не только от любящих его, но даже от ненавидящих)».

Затем в письмах Гоголя появляются и советы Иванову как художнику, встречающему различные препятствия на творческом пути:

«Идет ваша картина медленно потому, что нет подстрекающей силы, которая бы подвинула вас на уверенное и твердое производство. Молите Бога об этой силе. И вспомните сие мое слово: пока с вами или, лучше, в вас самих не произойдет того внутреннего события, какое силитесь вы изобразить на вашей картине в лице подвижных и обращенных словом Иоанна Крестителя, поверьте, что до тех пор не будет кончена ваша картина. Работа ваша соединена с вашим душевным делом. А покуда в душе вашей не будет кистью Высшего Художника начертана эта картина, потуда не напишется она вашей кистью на холсте. Когда же напишется она на душе вашей, тогда кисть ваша полетит быстрее самой мысли».

Гоголь находит в напутствие Иванову столь умудренные слова и сообщает ему столь глубокие выводы, полученные из собственного жизненного опыта, что каждому

было бы полезно с ними познакомиться и вспоминать их в трудную минуту:

«Работая свое дело, нужно твердо помнить, для кого его работаешь, имея беспрестанно в виду Того, Кто заказал нам работу. Работаете вы, например, для земли своей, для вознесения искусства, необходимого для просвещения человека, но работаете потому только, что так приказал вам Тот, Кто дал вам все орудия для работы. Стало быть, заказыватель Бог, а не кто другой. А потому Его одного следует знать. Помешает ли кто-нибудь – это не моя вина, я этим не должен смущаться, если только действительно другой *помешал*, а не я сам себе *помешал*. Мне нет дела до того, кончу ли я свою картину или смерть меня застигнет на самом труде; я должен до последней минуты своей работать, не сделавши никакого упущения с своей собственной стороны. Если бы моя картина погибла или сгорела пред моими глазами, я должен быть так же покоен, как если бы она существовала, потому что я не зевал, я трудился. Хозяин, заказавший это, видел. Он допустил, что она сгорела. Это Его воля. Он лучше меня знает, что и для чего нужно».

Только мысля таким образом, мне кажется, можно остаться покойным среди всего. Кто же не может таким образом мыслить, в том, значит, еще много есть тщеславия, самолюбия, желанья временной славы и земных суетных помышлений. И никакими средствами, покровительствами, зашищениями не спасет он себя от беспокойства. Вот весь итог посильных наблюдений, опытности и мудрости, какие только я мог вывести из своей жизни».

Юлия Антитина

Дано мне тело. В тягость или в радость?

Об этом размышляли и участники конференции «“Дано мне тело – что мне делать с ним?”: современные проблемы биоэтики», которая минувшей осенью была организована Свято-Филаретовским православно-христианским институтом, Русской христианской гуманитарной академией и Свято-Петровским православным братством в Санкт-Петербурге. Мне приходилось бывать на различного рода конференциях, симпозиумах, семинарах. И, честно говоря, далеко не все пробуждали к себе интерес.

Но этот случай – особый. Ведь речь шла, по сути, о каждом из нас, о проблемах, которые могут коснуться каждого.

Александр Мкртчичевич Гзгян, доктор медицинских наук, заведующий отделением НИИ АГ им. Д.О. Отга. Он говорил о связи проблем биоэтики, в частности, вспомогательных репродуктивных технологий, с потребительским сознанием. Одно дело, когда не может родить 25-летняя женщина и ее нужно лечить от бесплодия, а другое – когда требует детей супружеская пара в возрасте 60–70 лет. Это нужно решать не законодательным путем (устанавливая предельный возраст для экстракорпорального оплодотворения), а этическим воспитанием людей, формированием в обществе сознания, что человек не только может реализовать свои репродуктивные права, но и имеет возможность ограничить себя в этом, руководствуясь чем-то иным, чем его желания. В современном обществе развитие медицинских

технологий берет врача в плен. Они позволяют женщине стать матерью в 65 лет, одинокому мужчине – завести детей, суррогатной матери – выносить ребенка и отдать его генетическим родителям... Это – медицина, но сверх того всегда существует этика взаимоотношений, которую никто не отме-

Современная наука развивается фантастическими темпами, а этические* критерии использования тех или иных достижений формулируются чрезвычайно медленно. Этот разрыв особенно чувствителен в сфере биоэтики. Ученые и врачи, светские и церковные люди пытаются найти ответы на острые вопросы, которые настойчиво ставит перед ними реальность.

нял. Вот к доктору приходит пациентка – женщина, которая здорова и сама может родить; но она не хочет бросать высокооплачиваемую работу, ей легче найти суррогатную мать, которая выносит для нее ребенка... Является ли она пациентом? Нет, отвечает врач, она не пациент, потому что в ее случае суррогатная программа не оправданна. Но кто ей должен говорить о материнстве? А ведь это вопрос этический, вопрос воспитания. Общество должно говорить с людьми о том, что такое рождение детей, что такое материнство, в чем смысл появления на свет нового человека. Пока же получается так, что решение этических проблем сваливается на плечи доктора – он может попытаться поговорить с женщиной о том, что не стоит ей так поступать, но, как профессионал, он не имеет права ей отказать.

Лечение бесплодия и преодоление бесплодия. Допустимо ли ставить знак равенства между этими понятиями?

онкологом и биохимиком В.Р. Поттером для обозначения этических проблем, связанных с потенциальной опасностью для выживания человечества в современном мире. Первое упоминание термина в медицинском журнале относят к 1971 году. В Encyclopedia of Bioethics (т. 1, с. XXI) биоэтика определяется как «систематическое исследование нравственных параметров, – включая моральную оценку, решения, поведение, ориентиры и т.п. – достижений биологических и медицинских наук».

Участники конференции выразили сомнение. Под лечением бесплодия врачи подразумевают медицинские процедуры, которые помогают женщине забеременеть естественным путем. А преодоление бесплодия, также по мнению специалистов, – это суррогатные программы, а суррогат, как известно, есть всего лишь заместитель-имитатор. Так можно ли считать суррогатное материнство достойным и человеческим выходом из по-человечески понятных обстоятельств? И насколько тяжелыми

для суррогатной матери окажутся психологические и духовные последствия, после того как она, выносив и родив своего ребенка, рассталась с ним навсегда?

Галина Леонидовна Муравник, генетик, преподаватель биоэтики СФИ, затронула еще одну животрепещущую тему биоэтики. Полезна ли ложь, если она служит добру? Допустимо ли использовать лженаучную теорию телегонии¹ в проповеди целомудрия? По статистике, 94% современных студентов считают нормой добрачные отношения и только 25% их родителей не согласны со своими детьми; 64% юношей и 56% девушек заявляют, что нормально иметь до брака до 10 сексуальных партнеров, и т.д. Как видим, картина современной действительности неутешительная, мы вынуждены признать, что тема целомудрия в нашем обществе, мягко говоря, не популярна. Однако допустимо ли, что некоторые представители Церкви, даже известные священники, считают

* Этика (греч. ἠθικός, от др.-греч. ἦθος – этос, «нрав, обычай») – философское исследование морали и нравственности. Первоначально смыслом слова этос были правила, порожденные совместным общежитием, нормы, спланированные обществом, преодоление индивидуализма и агрессивности. По мере развития общества к этому смыслу добавляется изучение сочувствия, сострадания, дружбы, смысла жизни, самопожертвования и т. д. (Из Википедии – свободной энциклопедии). Термин был введен в 1969 году американским

¹ Телегония – теория о генетическом влиянии первого полового партнера на потомство, рожденное в последующем браке. Греческие корни этого слова переводятся так: «tele» – вдалеке, «gon» – рождение, происхождение. В целом телегонии можно определить как сходство детей не со своим отцом, от которого произошло зачатие, а с мужчиной более раннего скрещивания, т.е. с тем человеком, который был первым сексуальным партнером этой женщины. (Г.Л. Муравник)

возможным пропагандировать антинаучные представления о телегонии, чтобы любой ценой, вплоть до лжи, предостеречь людей от нарушения заповеди Божьей о целомудрии?

Больше всего Галину Леонидовну, как верующего церковного человека, волнует то, что телегония убивает доверие не только к науке, но к Церкви и ее служителям, если они основывают проповедь целомудрия на таких

фальсификациях, которые – рано или поздно – всегда обнаруживаются. «Нам всем, – уверена она, – надо думать, как вернуть в нашу жизнь ценность целомудренных добрых отношений, это задача не простая, но решать ее надо не такими путями, какие предлагают сторонники теории телегонии».

Мы прекрасно знаем, что чистота добрых отношений, как и в целом чистота жизни человека, влияет и на жизнь его потомства, и на его собственную жизнь. Да, здесь нет генетической запрограммированности, как в теории о телегонии. Здесь речь скорее идет о духовной логике: «собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» (Мф.7:16). Если жизнь человека нецелостна, раздроблена грезом (ведь целомудрие в первую очередь говорит о целостности человека), если сам он раздваивается, растрывается в самом себе – чувствует одно, говорит другое, а делает третье; если человек снимает с себя ответственность за свою жизнь, за жизнь тех, кто от него зависит; если человек отдается течению – то вряд ли можно говорить что такая жизнь принесет достойные плоды. И об этом нужно размышлять, беседовать с людьми, но начинать не с «побочных эффектов», не с того, что грозит сделать жизнь человека еще более невыносимой (что дети будут больные, или некрасивые, или глупые), а с того, что человек призван к тому,

Братья Зеленины названы в честь трех святителей: Иоанн, Григорий и Василий, а сестричка – в память об Анастасии Римляныне

чтобы жить достойно и приносить добрые плоды. А значит – жить красиво, в полном смысле этого слова – прямо, честно и по-доброму. Жить целостно – а значит, не раздваиваться, не растрываться, не лгать. Жить мудро – а значит, не скользить по поверхности, но строить отношения на глубине, на основании доверия и любви. А также с того, что достоинство всегда связано со стоянием – а значит, с обретением веры, верности и мужества.

Следующий доклад прозвучал именно как своеобразный вопрос – готово ли человечество мужественно встретить вызов, брошенный ему новейшими научными открытиями?

Наталья Альбертовна Швачко, кандидат биологических наук, студентка СФИ, говорила о таком явлении, как генетический паспорт². Он содержит расшифрованную информацию об особенностях структуры ДНК человека. Пока составление такого паспорта требует больших финансовых вложе-

² В этом году исполнилось 15 лет, как впервые было введено понятие «генетический паспорт». Этот термин прозвучал в 1997 году в одном из докладов по генетике. Генетический паспорт содержит информацию об особенностях структуры ДНК конкретного человека, по которой можно определить о его индивидуальной предрасположенности к ряду заболеваний и дать рекомендации для пациента и его лечащего врача по профилактике заболеваний с повышенным риском.

ний, но, по прогнозам, в ближайшее время процедура станет доступной. Захочет ли человек знать о мутациях в своих генах, которые могут вызвать у него или у его детей ту или иную болезнь, алкоголизм, наркоманию? Вроде бы да: предупрежден – значит защищен. Но не превратится ли вся жизнь человека в мучительное ожидание «часа Х» – времени начала болезни? Не начнется ли дискриминация по принципу «плохой –

хороший генотип»? Наконец, сможет ли человек освободиться от страха генетической детерминированности?

Олег Алексеевич Ермолаев, врач, кандидат медицинских наук, преподаватель миссионерской и каритативной практики, катехизатор, согласился, что проблемы биоэтики сложнее, чем кажутся на первый взгляд. Нельзя ответить: хорош сам по себе генетический паспорт или плох; нужно его иметь или нет? Если посмотреть на жизнь человека-христианина, человека, который знает свое призвание в этом мире, в этой жизни, то, может, и не плохо, если он знает свои болезни и предрасположенности. В своей практике Олег Алексеевич, как врач, часто общается с онкобольными. Перед ним встает вопрос: если человек болеет раком – сказать ему об этом или не говорить? «Я за то, чтобы сказать, – поделился Олег Алексеевич. – Конечно, все индивидуально и очень лично, но чаще – важнее ему об этом сообщить. Так он может подготовиться к тому, что скоро умрет. Всегда есть какие-то дела, пусть не самые главные, но насущные, – оформить наследство, передать квартиру детям. Но есть и другие, более личные вопросы. Очень важно прийти к примирению – больному примириться со своими родственниками, и самим родственникам сделать все, чтобы это примирение состоялось. Не

случайно у Ф.М. Достоевского есть замечательные слова в «Братьях Карамазовых»: «воистину всякий перед всеми за всех и за всё виноват». Когда больной знает сроки, он способен сделать усилие прощения и усилие примирения. Биоэтика – это наука о выживании, как говорил В.Р. Поттер. Но не только о физическом выживании человека, но о самой сердцевине его жизни. Всегда важно исходить из сущности человека как образа Божьего, а часто как раз так на человека мы посмотреть и не можем...». Как врач с многолетним опытом, Олег Алексеевич засвидетельствовал, что жизнь всегда шире, чем отношения врача и пациента, – всегда есть тайна отношений между Богом и человеком, и важно побороться и за свою жизнь, и тем более за жизнь другого.

Олег Олегович Глаголев (Екатеринбург, Свято-Екатерининское малое православное братство), катехизатор, посвятил свое выступление теме верности и ответственности за

выбор судьбы. «Вопрос родительства всегда сложный, – считает Олег Олегович. – Он и медицински, и этически непростой, – но человек, совершая поступок, который состоит в том, чтобы стать родителем, иметь отношение к жизни другого, прежде всего должен взять ответственность за этого другого, своего ребенка, – до конца. Сомнения должны отойти прежде, чем решение вступит в силу. Человек должен сказать свое “Да”, свое “Аминь”: все, что случится с этим ребенком, – случится со мной. Вопросы биоэтики всегда будут связаны с позицией человека – с этим “Да”, с ответственностью, которую он берет “за тех, кого приручил”».

Чрезвычайно интересный, живой и актуальный разговор показал, что любовью глубокий вопрос «от жизни» сра-

зу выводит нас на ключевые позиции биоэтики: с какого момента считать человека человеком, вправе ли один человек распоряжаться жизнью другого, кто определяет, что есть благо для человека, а что для него – запретный плод, имеем ли мы право говорить с человеком о смерти, как преодолевать страх в современном мире и др.

Очевидно, что там, где светский (неверующий) ученый просто разведет руками: «А исходя из каких позиций мы будем отвечать на эти вопросы?», верующий церковный человек продолжит размышление, основываясь на опыте веры, на опыте переживания добра, любви, красоты, которые ему открывались в Церкви, в общении с другими верующими людьми, в переживании действия Божьего в его личной судьбе.

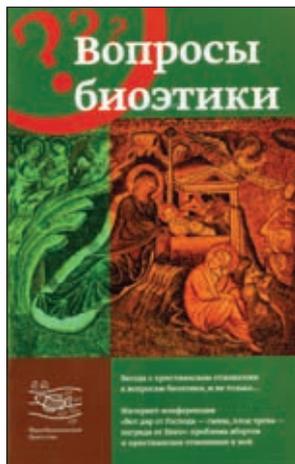
От редакции. Мы предполагаем продолжить разговор о жизни человека, о действии Божьем, о том, какую роль в нашей жизни играет этот другой – наш ближний, и узнать, как на самые человеческие вопросы человеческой жизни отвечают опыт христианского милосердия и опыт христианского трезвения.

Знают только христиане...

Работа, которую мы предлагаем вниманию читателей, излагает христианский взгляд на проблемы биоэтики, исходящий из таких понятий, как призвание христианина в современном мире, действие благодати Божьей в судьбе человека, основания веры и суд совести. Форма изложения не совсем обычна: вопросы на самые животрепещущие темы задают пользователи интернета¹, а на них отвечают высококвалифицированные специалисты кандидат философских наук, профессор, преподаватель этики и аксиологии в религии Свято-Филаретовского православно-христианского института Давид Мкртичевич Гзгзян и кандидат медицинских наук, врач акушер-гинеколог, преподаватель каритативной практики Ольга Борисовна Мозгова.

«Всё, что может христианство, – это до предела заострить тему уникальности человеческой жизни, – считает

¹ Интернет-конференции, посвященные актуальным вопросам жизни христианина, регулярно проходят на сайте Преображенского содружества малых православных братств: <http://www.psmb.ru/internet-konferencii/>.

Д.М. Гзгзян. – Практически воплощают эту мысль реальные живые христиане, а не христианская этика сама по себе. Именно они являют пример того, как можно радоваться каждой человеческой жизни, как можно находить в этом вдохновение – подчеркиваю, вдохновение, не естественную родительскую радость, а духовное вдохновение от того, что чудо явления человека в мир повторяется, что оно многообразно, что оно трепетно. Пусть оно стоит многих сил, но эти силы,

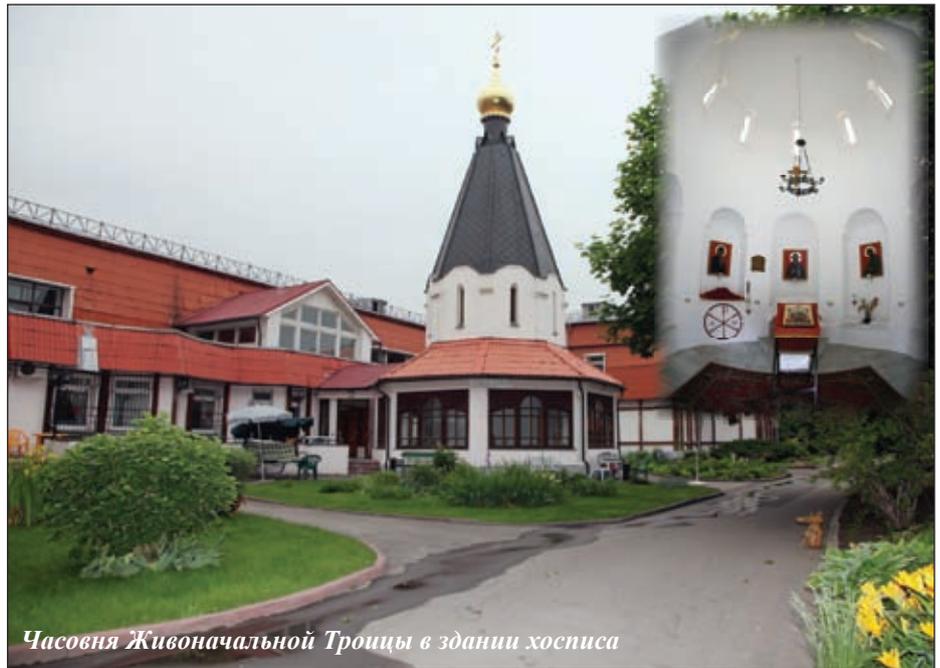
будучи затраченными, оборачиваются новым притоком вдохновения... В конце концов, если речь идет только о том, чтобы довести до минимума количество аборт, то это повсеместно решается технически, так или иначе: от распространения разных форм контрацепции вплоть до таких вмешательств, как добровольная стерилизация... Я думаю, что с христианской точки зрения все это – тупик и, в сущности, противоречит христианским воззрениям. Единственный выход – вернуться к своему человеческому достоинству...

Христиане располагают совершенно уникальным даром адекватно смотреть на такие, казалось бы, очевидные, но на самом деле крайне неочевидные вещи. Если христиане будут подавать пример тем, что они владеют способом существования внутри этой тайны, приносящей вдохновение, тогда можно будет нащупать реальное решение».

Вопросы биоэтики. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2012. – 40 с.

Я убежден: хосписы необходимы нашему обществу, в котором уровень боли превзошел все мыслимые пределы. Такова наша трагическая история. Всю сумму страданий, ставших привычными и неизбежными, невозможно отбросить сразу. Нужны усилия тысяч людей, один небольшой шаг за другим, чтобы сделать общество и каждого гражданина в нем немного счастливее, чуть-чуть защищеннее. Хоспис – один из таких шагов. Это путь к избавлению от страха перед страданиями, сопутствующими смерти, путь к восприятию ее как естественного продолжения жизни. То же самое говорят религии, над которыми мы десятилетиями смеялись. Но разве не ясно, что смех этот был грехом, ибо избавление от страха – благо?

*Академик Д.С. Лихачев,
председатель попечительского совета
по созданию хосписов в СССР*

Часовня Живоначальной Троицы в здании хосписа

Лариса Беляева, фото автора

Один из таких шагов

В 70-е годы прошлого века в Советском Союзе вышел русский перевод книги Виктора и Розмари Зорза «Путь к смерти. Жизнь до конца». О том, как боролась с неизлечимой болезнью – раком, как умирала и как умерла их 25-летняя дочь Джейн. И что было сделано, чтобы облегчить ее страдания, чтобы девушка достойно встретила свой последний земной час. Так для людей родилась хоспис, прибежище неизлечимых онкологических больных, Дом Жизни.

Книга буквально оглушила. Советские люди вообще не были приучены к правде, а такую правду – открытую до жестокости и одновременно ясную и, можно сказать, сверхчуждую – вообще трудно принять человеку. О смерти – с мягкой улыбкой и бесслезными глазами?! Представьте, да.

Идея хосписов зародилась в раннехристианскую эпоху в Восточном Средиземноморье, можно сказать, во исполнение заповеди «накормить алчущего, напоить жаждущего, принять странника, одеть нагого, посетить больного или узника» (Мф. 25:35-36). Позже она распространилась по Европе.

В XIX веке хосписами стали именовать небольшие госпитали, которые обеспечивали уход за умирающими. Они по своей сути глубоко человечны, исполнены любви, сострадания, милосердия, где делом, а не на словах, активно противодействуют идее и практике эвтаназии.

Виктор Зорза, британский журналист русского происхождения, выполняя завещание дочери, посвятил жизнь созданию хосписов по всему миру. В Англии он начал заниматься этим еще при жизни Джейн. После смерти дочери Виктор едет в Россию.

Можно только представить, какие препоны ему пришлось преодолеть у нас. Только при помощи и настойчивости врача-психиатра Андрея Владимировича Гнездилова на окраине Ленинграда, в Лахте, в 1990 году появился первый советский хоспис. А четыре года спустя врач Вера Васильевна Миллионщикова и все тот же неутомимый Виктор Зорза открывают хоспис в Москве. Благодаря их подвижничеству в 1994 году начинает работу выездная служба Первого московского хосписа, а в 1997 году на улице Доватора открывается и стационар на 30 коек. Вся помощь больным и их родственникам в хосписе бесплатна. Так повелось с самого начала. Добровольные пожертвования можно сделать лишь спустя сорок дней после кончины пациента. Это позволяет сохранить чистоту отношений и атмосферу доверия.

«Пожертвований меньше, зато все они – осознанные», – говорила В.В. Миллионщикова, бессменный главный врач и сердце хосписа. Под ее руководством учреждение заработало безупречную репутацию. Подготовило собственных высококвалифицированных специалистов. Стало учебной базой для новых хосписов в Москве, России, странах СНГ.

К сожалению, сегодня Веры Васильевны уже нет с нами, но именно ее тщанием хосписное движение получило в стране распространение и развитие. Сегодня в Москве действуют восемь хосписов, которые принимают не только жителей столицы, но и иногородних, а по всей России – более ста. Некоторые больные москвичи получают помощь на дому и находятся под постоянным медицинским контролем.

Когдаходишь на территорию, поражает большой красивый дом, внешне никак не напоминающий казенное учреждение. На небольшом участке земли разбит прекрасный сад. Внутри зданий сделано все, чтобы обстановка была теплой, почти домашней – множество картин и цветов, прекрасная библиотека, в холле небольшой живой уголок с черепахами и рыбками в аквариуме. Идеальная чистота, нет специфического больничного запаха хлорки и лекарств. Отношение персонала и добровольцев приветливое и доброжелательное. Рядом с больными могут круглосуточно находиться их близкие и даже... домашние животные. Многие больные после нескольких дней пребывания в стационаре часто говорят: «Мы попали в рай».

Небольшой храм-часовня во имя Живоначальной Троицы расположен в здании так, чтобы лежачих больных можно было привезти на кровати для принятия Святых Христовых Таин (ходячие причащаются у себя в палатах).

Окормляет верующих больных священник Христофор Хилл¹.

Большую помощь персоналу оказывают добровольцы, или, как теперь говорят, волонтеры. Помощь их трудно переоценить. Посидеть с больным и почитать книгу, помочь с уборкой, поработать в саду, проведать пациента на дому... да разве все перечислить! Добровольцам здесь всегда рады, но, поскольку труд их психологически сложен, с кандидатом в волонтеры непременно предварительно подробно беседуют. Почему он принял такое решение, насколько устойчива его нервная система, терпелив ли, не склонен ли к самоутверждению, насколько самокритичен и так далее. Если человек становится членом коллектива на добровольных началах, он проходит испытание и специальную подготовку в стационаре. До самостоятельной работы с больными допускаются те, кто получил достаточный опыт и навыки, научился правильно общаться с больными и их родственниками, осторожно относиться к каждому сказанному слову. Действует одна из основных заповедей хосписа – больные и их близкие должны быть защищены от невольных душевных травм.

Особая категория – добровольцы-музыканты. Одна из них, Катя Антокольская, общая любимица, известная виолончелистка, загруженная концертными выступлениями, находит время дарить хоспису чудесные программы. И всегда это взаимный праздник.

В коридоре мы встретили девушку в медицинском халате. Разговорились. На-

¹ Беседа с о. Христофором Хиллом напечатана в «Лампаде» № 4 (84).

таша и Даша пришли в хоспис как добровольцы. Этот шаг определил их дальнейшую жизнь и выбор профессии. Сейчас одна учится в медицинском институте, а другая трудится в хосписе медицинской сестрой.

В минувшем сентябре в Первом московском хосписе прошла научно-практическая конференция, на которую собрались сотрудники хосписов России и СНГ. За пять дней интенсивных занятий они получили много знаний, которые потребуются в их повседневной работе. Организовал конференцию Фонд помощи хосписам «Вера», прилагающий все силы к развитию хосписов по всей нашей Родине.

Вера Васильевна Миллионщикова успела сконцентрировать весь свой бесценный опыт в ряде нравственных предписаний – заповедей хосписа – и оставила их продолжателям своего дела как завещание. Прочтите их внимательно.

Наташа, медицинская сестра

В палате

ЗАПОВЕДИ ХОСПИСА

1. Хоспис – это комфортные условия и достойная жизнь до конца.

2. Мы работаем с живыми людьми. Только они, скорее всего, умрут раньше нас.

3. Нельзя торопить смерть, но и нельзя искусственно продлевать жизнь. Каждый живет свою жизнь. Время ее не знает никто. Мы лишь попутчики на последнем этапе жизни пациента.

4. Брать деньги с уходящих из этого мира нельзя. Наша работа может быть только бескорыстной.

5. Мы не можем облегчить боль и душевные страдания пациента в одиночку, только вместе с ним и его близкими мы обретаем огромные силы.

6. Пациент и его близкие – единое целое. Будь деликатен, входя в семью. Не суди, а помогай.

7. Если пациента нельзя вылечить, это не значит, что для него ничего нельзя сделать. То, что кажется мелочью, пустяком в жизни здорового человека, – для пациента имеет огромный смысл.

8. Каждый человек индивидуален. Нельзя навязывать пациенту свои убеждения. Пациент дает нам больше, чем мы можем дать ему.

9. Принимай от пациента все, вплоть до агрессии. Прежде чем что-нибудь делать – пойми человека, прежде чем понять, – прими его.

10. Будь всегда готов к правде и искренности. Говори правду, если пациент этого желает и если он готов к этому... Но не спеши.

11. Незапланированный визит не менее ценен, чем визит «по графику». Чаше заходи к пациенту. Не можешь прийти – позвони; не можешь позвонить – вспомни и все-таки... позвони.

12. Не спеши, находясь у пациента. Не стой над пациентом – посиди рядом. Как бы мало времени ни было, его достаточно, чтобы сделать все возможное. Если думаешь, что не все успел, то общение с близкими ушедшего успокоит тебя.

13. Хоспис – дом для пациентов. Мы – хозяева этого дома, поэтому: переобувайся и вымой за собой чашку.

14. Репутация хосписа – это твоя репутация.

15. Главное, что ты должен знать: ты знаешь очень мало.

Анна, Макарий, Дмитрий Непридуманные рассказы о любви*

ФОМО-МАМА

Малыши носятся друг за другом по площадке за домом, из-под ног вылетает мелкая щебенка. Кому это, интересно, пришло в голову посыпать детскую площадку гравием? Оно, конечно, весной воды меньше будет. Но летом... Не дай Бог нечаянно съехать с горки лицом вперед. Двухлетний Макарик однажды съехал. Как будто картечь изрешетила личико сына. Есть ли у того, кто отдавал такие распоряжения, свои дети?

Несколько малышей копаются в песочке, те, что постарше, отбирают друг у друга трехколесный велосипед. Совсем постарше – играют в салочки, перепрыгивая через куличики, малышей и велосипед, зависая, как макаки, на трапециях и канатах дворового спорткомплекса. Детская площадка – замечательное пространство, на котором места хватает всем, каждый возраст удовлетворяет здесь свои интересы, и при этом никто особенно никому не мешает, наоборот, часто разворачиваются захватывающие разновозрастные игры.

Рядом на скамеечках сидят мамы. Такие же разные, как и дети. Юная мама в стильной короткой курточке и узких джинсах строго выговаривает своей нарядной крошечной дочке, которая вся перемазалась в мокром песке, и велит ей гулять рядышком, лучше всего за ручку. Временами она поглядывает на часы, видно, ждет, когда пройдет положенное время прогулки, чтобы поскорее отвести домой, накормить, уложить спать и наконец заняться своими делами. На соседней лавочке две мамы с пивом и семечками заняты разговором. Их малыши не поделили лопатку и ревут, вцепившись друг в друга, но мамам нет до них дела. Мама общаются. Эти выгуливают своих малышей, словно собачек, потому что так полагается (надо же дышать свежим воздухом!), и никогда с ними не играют. Вот еще, глупости.

Мама еще не «foto». Все – впереди. Пока ждем первенца – Аню

Взрослым тетенькам не пристало копаться в песке. Дети никак не меняют жизнь этих мам, они изо всех сил продолжают строить собственную, доказывая себе и окружающим, что с рождением ребенка ничего не изменилось. Есть еще особенный, очень заметный тип молодых мам, которые увлечены идеями раннего развития. И потому без конца разговаривают со своими детьми, все им показывают, рассказывают, а если спрашивают их о чем-нибудь, то так, чтобы все на площадке слышали ответы и оценили, какой у них смысловый малыш. Видно, что дети не интересны им сами по себе, как загадочный, своеобразный народец. Они – своего рода выставка родительских достижений, что-то вроде интеллектуальной банковской карточки. И как-то одиноко и своеобразно смотрится мамочка, катающая со своим маленьким сыном трактор в песочнице, весело загружающая новый блестящий грузовик камешками. Вокруг них столпились все малыши площадки, им тоже хочется поиграть с этой тетей. Потому что их мамы не играют с ними никогда. Они только покупают игрушки. Может быть, эта мама – воспитательница в детском садике или, к примеру, детский психолог? Да нет, похоже, ей просто хорошо рядом с сыном, она не считает время, проведенное на площад-

ке, безвозвратно потерянным для ее жизни... Ей действительно интересно. Мы с детьми тоже устраиваемся играть рядом, лепим, рисуем, гоняем мячик. Время прогулки пролетает незаметно. Анна возмущается: «Почему мы так мало гуляли?». Два часа – разве мало?

Эта картинка повторяется на площадке изо дня в день – играющие дети и их скучающие мамы. Возможны вариации – мама с сумками продуктов, волокущая ребеночка за собой. Он, бедный, еле поспевает, пристегнутый, как вагончик к паровозу. Почему мамам бывает так скучно со своими маленькими детьми? Почему они готовы по три раза вымыть пол, только бы поменьше времени проводить с малышом? Что мешает быть настоящей мамой, счастливой своим материнством, а не исполняющей обязанности по воспитанию рожденного ею ребенка?

Есть такое рассуждение: высшее образование сильно усложняет жизнь, нагружает человека завышенными представлениями о своем месте в мире. Мама с дипломом, быстро наигравшись с новорожденным малышом, стремится вынырнуть из утомительного круга ежедневных материнских забот, оставив себе только самое приятное – покупку новых детских вещичек. «Я – профессионал своего дела, я должна заниматься им, пусть и моих детей воспитывают профессионалы – в садике, в школе, в детском клубе». Вот как-то примерно так. А профессиональная мама – это кто? Домохозяйка? Такое не для меня!

Современная мама очень торопится на работу. И не потому, что так уж не хватает денег в семье. Если совсем честно – она боится остаться не у дел, потерять квалификацию, выпасть из мира, не вписаться в него, не вернуться больше никогда к успешной, яркой жизни, в которой она востребована не только собственными детьми. Это так повсеместно распространено, что даже уже слово специальное придумали, обозначающее это состояние, – «фомо» (от английской аб-

* Окончание. Начало в «Лампаде» №№ 5 и 6 за 2012 год.

У папы выходной! Наконец-то... Аня и Митя так соскучились!..

бrevиатуры FOMO – fear of missing out – «боязнь остаться в стороне»). Потому и люлька стоит у постоянно включенного в сеть компьютера, и мобильник звонит, не переставая. Fomo sapiens – новый тип человека, незаметно сформировавшийся за последние годы. Он панически боится выпасть из быстротекущего мира, он гонится за ним. А дети – вот парадокс! – существа очень медленные, хотя и чрезвычайно подвижные. У них другие отношения с временем и пространством. И жизнь с маленькими детьми очень размеренная, кропотливая, а вовсе не стремительная, от вспышки к вспышке. Вот это трудно выдерживать современной юной особе, решившейся на брак и деторождение.

Fomo-мама... Ей приходится быть в курсе новостей, ориентироваться в новых гаджетах и брендах, постоянно расширять свой кругозор, повышать квалификацию, достигать следующего уровня, если она хочет жить в ежедневно меняющемся мире. Это так захватывающе интересно, особенно для молодых. Как

в это встраивается жизнь с маленьким ребенком? Да никак, сколько бы ни придумывали моделей слингов и кенгурушек, сколько бы ни обсуждали в сети возможность совмещения грудного вскармливания и выхода мамы на работу. Ребенок – не килограмм картошки, которую положил в сумку и понес. У него есть свои какие-то желания, потребности, болячки, страхи, внезапные истерики. Ему нужна мама, которая всегда рядом. А общество ждет от женщины работоспособности, ответственности и свежих идей. В школе умненькие девочки слышат, конечно, реплики учителей о своих не очень способных подружках – «ну, она после школы замуж выйдет, ладно уж, рисуем ей тройки». И о себе: «Тебе учиться надо, налегай на языки, найдешь хорошую

работу, с руками оторвут». Замужество и рождение детей в этой картинке выглядит как прибежище неудачников. А кому хочется быть неудачником? Вот девочка и настраивается на успешную карьеру. А замужество – где-то там, потом, после того, как будут покорены вершины... Fomo-мама старается поскорее выйти из декрета, потому что дома ей скучно. Нет, даже не скучно, а почти физиологически больно – как больно рыбе, вынутой из воды. Вынутость из мира, затвор в четырех стенах и страшная жажда взрослого человеческого лица рядом. Хочется перемен и включений.

У современной женщины нет представления о материнстве как о главном деле жизни. А если и есть, то очень книжное, не из жизни, потому что почти все мы – единственные или вторые дети своих родителей. Многодетность же – нечто пугающее не только случайных прохожих, но и самих

мам, поскольку никак не связывается в голове с активной жизнью. Сколько раз приходилось слышать на улице: «Ну, вы даете! Когда же вы находите время для себя?». А ведь у нас не шестеро и не девять, как у наших знакомых, а всего лишь трое деток. Вот это «для себя» – ключевая фраза современного человека. Fomo-мама скорее предпочтет быть отделенной на время от собственного малыша, чем от мира. Потому что в первом случае общество это даже приветствуется и называется красивым термином «социализация ребенка», а во втором – выглядит как бесконечное одиночество, невостребованность, социальная смерть. Да кроме того, погружаясь в домашнее бытие с головой, мама неизбежно наедине с собой – муж на работе, друзья тоже, только мамочки на детской площадке становятся случайными собеседницами. И вот эта встреча с самим собой, какой уж ты есть, многих попросту ломает. Ведь в душе у каждого не только светлое, которое радует и вдохновляет, но и очень-очень темное. А то и вовсе пустота. И со всем этим мама остается один на один, плюс послеродовая депрессия, которая у многих затягивается на неопределенный срок, плюс финансовые и прочие житейские проблемы, плюс кризисы роста у детей. А жизнь надо жить. Страшно, хочется удрать снова во внешний мир, где кто-нибудь да поддержит, погладит по головке, утешит, посоветует, похвалит. Fomo-мама очень боится завязнуть в житейских заботах, не реализовать свои мечты и амбиции, да и скучно ей, с высшим-то образо-

Макарий. XXI век. Не до сантиментов

ванием, лепить в десятый раз ежика из пластилина и макарон.

...Аня сидит после ужина за столом и мечтает:

– Когда я стану королевой, у меня родится сын Тимофей. И еще дочка Лиза. Потом Оленька. А потом тройняшки – Алексей, Петр и Павел.

ДВА ГОЛОСА

И все-таки жизнь наша – как на волнах. Сегодня – день радости и полного счастья: оттого, что в доме шумят дети. А завтра – тусклый, тяжелый день: оттого же, что в доме шумят дети. Интересно, как это может быть? Значит, дело не в детях, а в нас?

...Однообразие жизни, повторяемость мелочей почти каждого дня, невозможность побыть хоть немного в спасительном одиночестве – все это тяготит страшно. Добровольное заточение в четырех стенах. Подводная лодка на глубине морской. Бывают дни, когда не хочется просыпаться. Сегодня как раз один из таких. С самого утра два голоса тревожно переговариваются во мне, и я с ужасом думаю – кто победит?

Один голос заводится сразу, стоит только открыть глаза, столкнуться с первыми детскими «не буду!», «не хочу!», «ну и пусть!». Этот голос груб, надоедлив и очень громок.

– Да когда же это кончится, наконец? Сколько можно?! Опять не слушаются! Когда-нибудь будет у нас спокойное утро? Я же ничего такого не требую – просто хочу умыться, поесть, выпить чаю, почитать книжку. Не спеша! Неужели это так много? Не могу больше, надоело, устала. Почему я не могу, как все люди, пойти куда-нибудь без детей, сделать что-нибудь не в полпервого ночи, а в любое время?

Хочется пнуть что-нибудь, хотя бы мячик. Господи, помилуй!!!

Действует, как переключение скоростей. Уже гораздо тише, спокойней: «Господи, помилуй!». Дети умыты и даже причесаны. Даже накормлены кашей. Уффффф... Просыпается малыш. За кормлением читаю по памяти утренние молитвы – очень маленькое Серафимово правило. Читать по молитвослову бесполезно – не дадут. Да и примет ли Господь мою книжную мо-

литву, если дети рядом будут хныкать и орать? Господи, помоги вырастить малышей хорошими людьми! Пусть бы они Тебя любили!

Как-то тихо, незаметно включается другой голос.

– Ну что ты, что ты, ты действительно просто устала. Ты ведь никогда ничему этому не училась – нянчить детей, принимать каждую минуту жизни человека, а не только те несколько часов, которые сама назначишь своей вольной волей. Ты думаешь, одна такая? Всем тяжело. Да как бы ты жила, что бы ты делала без малышей, без мужа? Читала бы книжки? А зачем? Писала бы? А вдруг все твои свежие мысли засохли вместе с твоей коченеющей самовлюбленной душой? Может быть, это последний шанс повзрослеть по-настоящему. Стать. Быть. Жить. А не думать, что живешь, не придумывать жизнь.

...А ведь и правда – никогда и никто не учил просто быть рядом, откликаться, жить чужой жизнью, как своей. Все больше – давали знания, учили профессии, домоводству, на худой конец. А главное оказалось – вот это. Вынашивать человека в сердце, как вынашивала в утробе. Принимать целиком и любить несмотря ни на что. И стараешься хоть иногда сбежать из дома во внешний мир оттого, что дети, особенно маленькие, требуют общения не на поверхности – такого вежливого, необременительного, как принято у воспитанных людей, – а из глубины. Им нужно все твое существо, а не прочитанная книжка, не новая игрушка, даже не игра – и ты бежишь. С непривычки так глубоко жить другим человеком.

И Господь нам послал третьего. Чтобы когда-нибудь все-таки этому научились...

О ЛЮБВИ

Макарушке три с половиной года. Лежит в своей кроватке и бормочет перед сном:

У меня самая лучшая бабушка!
И мама – самая лучшая! И папа!
Анюшка – замечательная сестренка!
Митюшка – замечательный братик!
И дедушка – самый лучший дедушка!

Просто гимн любви какой-то ...

Море Поста (фрагмент, акварель)

Рыба (мозаика)

Пасхальный мост (акварель)

Ангел (мозаика)

Всё – сами

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайтах
www.znamenie-hovrino.ru и pressa.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса

России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Вespолье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими
воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

прп. Алексея, человека Божия (2-й Красносельский
пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове
(Борисовский пр., 15, стр. 4)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлово
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Свято-Троицкая Сергиева лавра (г. Сергиев Посад)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской
(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

апостола Иоанна Богослова
(Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского
(ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери
в Казачьей слободе
(ул. Большая Полянка, 37)

Живоначальной Троицы
в Карачарове
(Рязанский проспект, 3)

ISSN 2225-0271

9 772225 10271001